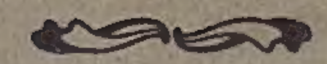
Е. Астори.

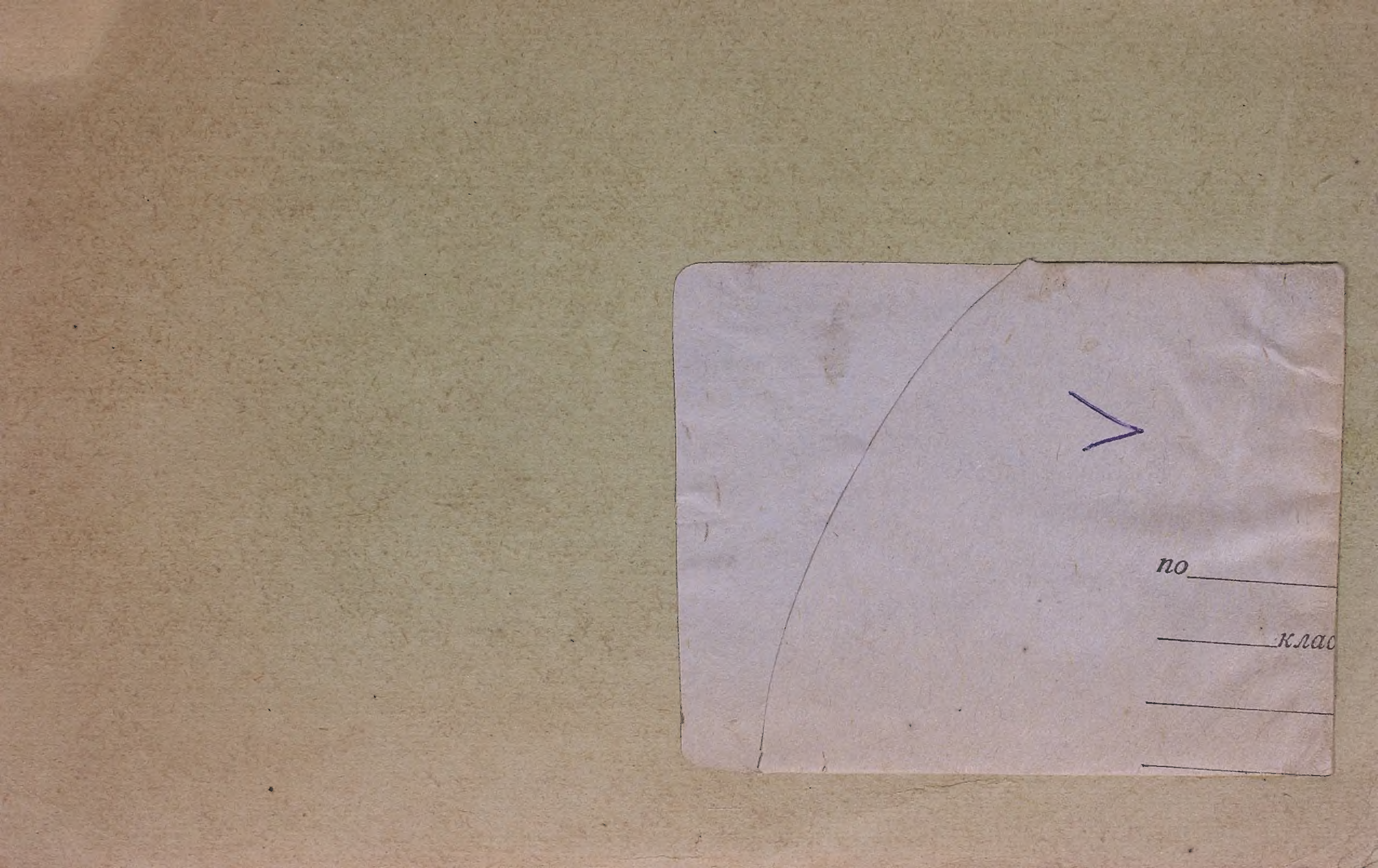
Англія, Уэльсъ и Ирландія.

(Изъ личныхъ замѣтокъ и наблюденій.)

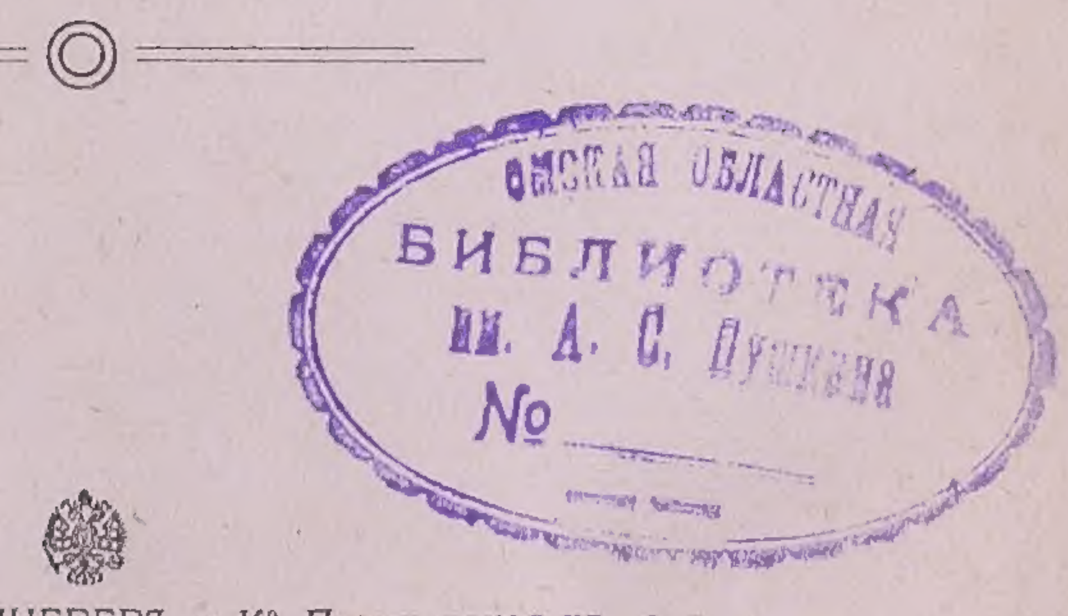
Типо-литогр. Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Пименовская ул., с. д.
Москва—1912.

по
клас

Е. Астори.

АНГЛІЯ, УЭЛЬСЪ И ИРЛАНДІЯ.

(Изъ личныхъ замѣтокъ и наблюденій.)

Типо-литогр. Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Пименовская ул., с. д.
МОСКВА—1912.

I.

Лондонъ.

Іюнь 19 . . г.

Лондонъ...

Пароходъ, поднявшись по Темзѣ и пройдя подъ разведеннымъ мостомъ Тоуэра, причалилъ вблизи Тоуэра, около Лондонъ-Бриджъ.

Таможня... осмотръ багажа... и черезъ 15—20 минутъ кэбъ быстро мчалъ меня по направленію къ Кэнсингтонъ — въ одинъ изъ лучшихъ кварталовъ Лондона.

Былъ ясный солнечный день. Передо мной мелькали экипажи, прохожіе, одноцвѣтныя громады домовъ, и я съ любопытствомъ вглядывалась въ развертывавшіяся передо мной одна за другой улицы чуждаго мнѣ многомилліоннаго города. Я ждала, что городъ-гигантъ ошеломитъ меня своей кипучей жизнью, раздавитъ глыбами своихъ построекъ, но ничто не поражало меня: ряды 6—7-этажныхъ домовъ, общій видъ улицъ—все такъ напоминало крупные западноевропейскіе центры. Оригинальными казались

только двухколесные «хэнсомъ» [1]) и движенiе непрерывныхъ потоковъ экипажей не по правымъ, а по лѣвымъ сторонамъ улицъ.

Промелькнулъ Хэйдъ-паркъ, и кэбъ, свернувъ влѣво, вскорѣ остановился у небольшого 3-хъэтажнаго дома.

Элегантная горничная въ чепцѣ и бѣломъ передникѣ отворила мнѣ дверь. Меня ждали...

По лѣстницѣ, устланной мягкимъ ковромъ и освѣщенной окнами съ цвѣтными стеклами, горничная провела меня во второй этажъ въ приготовленную для меня комнату. Я окинула любопытнымъ взглядомъ мое новое помѣщенiе: комната небольшая, но уютная—съ мраморнымъ каминомъ и широкимъ англiйскимъ окномъ съ поднимающимися и опускающимися стеклами; у окна—туалетъ; по стѣнамъ—зеркальный шкафъ, широкая, покрытая красиво вышитымъ свѣтлымъ покрываломъ кровать, умывальникъ, столъ, нѣсколько стульевъ; полъ устланъ мягкимъ ковромъ; все красиво, элегантно, безукоризненно чисто.

Я наскоро умылась и сошла внизъ въ столовую.

Въ небольшой столовой былъ сервированъ чай. Мнѣ опять бросилось въ глаза элегантное убранство комнаты: зеркала, изящные стулья, шкафчики, этажерки... линiи мебели—тонкiя и красивыя...

---

[1]) Хэнсомъ (hansom)—крытый кабрiолетъ, гдѣ сѣдоки помѣщаются спереди, а кучеръ на возвышенiи сзади.

Пожилая англичанка въ трауръ, стройная и изящная, поднялась изъ-за стола и, неслышно ступая по ковру, пошла мнѣ навстрѣчу.

Мы познакомились.

Миссисъ Б. извинилась за отсутствіе хозяйки.

— Миссисъ К. завтракаетъ сегодня съ друзьями... она хотѣла поѣхать на пароходъ встрѣтить васъ, но, вѣроятно, опоздала...

Черезъ огромное окно съ доходящими до пола стеклами вливались въ комнату потоки свѣта. На столѣ, накрытомъ бѣлоснѣжной шитой скатертью, были разставлены тарелки съ печеньемъ, сандвичами и тонкими ломтиками хлѣба съ масломъ; подвѣшенный надъ спиртовницей серебряный чайникъ, хорошенькія чашки, небольшія вазочки съ цвѣтами придавали сервировкѣ элегантность.

Разговоръ за чайнымъ столомъ понемногу оживился. Миссисъ Б. разсказала, что она пріятельница миссисъ К. и живетъ у нея временно.

— У миссисъ К. прехорошенькій домъ—не правда ли? У меня тоже былъ свой домъ, но я продала его послѣ смерти мужа; теперь вотъ жду, когда кончится отдѣлка моей квартиры... Я рада пожить немного у миссисъ К.: она такая веселая и милая... мнѣ тяжело одиночество, особенно теперь, послѣ смерти мужа...

Легкое облако грусти затемнило на мгновеніе моложавое лицо миссисъ Б.

Къ калиткѣ находящагося передъ домомъ небольшого палисадника подъѣхалъ кэбъ, и черезъ нѣ-

сколько мгновеній, шурша трэномъ чернаго шелковаго платья, въ столовую вошла миссисъ К.

———o———

Мнѣ очень нравится кварталъ, гдѣ я живу,—элегантный и аристократическій «вестъ-эндъ»: въ этомъ кварталѣ сосредоточены лучшіе дворцы, дома и парки Лондона; въ этомъ же кварталѣ находятся парламентъ и жемчужина Лондона — Вестминстерское Аббатство.

Парки Лондона буквально поражаютъ своимъ великолѣпіемъ, а по размѣрамъ имъ нѣтъ равныхъ среди столичныхъ парковъ континента: такъ, напримѣръ, находящійся въ сѣверо-западной части Лондона огромный Риджентсъ-паркъ (Regent's park) раскинулся на 470 акрахъ [1]), а Хэйдъ-паркъ съ непосредственно примыкающими къ нему садами Кэнсингтона занимаетъ площадь въ 600 съ лишнимъ акровъ. Въ паркахъ Лондона буквально можно затеряться и, если бы не множество катающейся и гуляющей въ паркахъ публики, лондонскіе парки могли бы дать полную иллюзію деревни. Но, помимо размѣровъ, въ лондонскихъ паркахъ поражаютъ еще красота изумрудныхъ гладко выстриженныхъ газоновъ и необыкновенное обиліе цвѣтовъ.

Самымъ красивымъ убранствомъ отличается Хэйдъ-

---

[1]) Акръ=0,37 десятины.

паркъ: это вообще одинъ изъ лучшихъ и самыхъ фешенебельныхъ парковъ Лондона.

Извощичьи кэбы въ Хэйдъ-паркъ не допускаются: имъ предоставлено право проѣзда только по одной пересѣкающей паркъ аллеѣ; но зато паркъ иногда бываетъ переполненъ гуляющей публикой, автомобилями, роскошными экипажами и выѣздами. Для всадниковъ въ Хэйдъ-паркѣ имѣется отдѣльная аллея съ мягкимъ грунтомъ, такъ называемая «Роттэнъ-Ро» (Rotten Row), куда экипажи не допускаются. Ежедневно въ утренніе и предобѣденные часы можно видѣть на Роттенъ-Ро множество всадниковъ и амазонокъ, парадирующихъ на великолѣпныхъ породистыхъ лошадяхъ передъ гуляющей публикой. Раза 3—4 въ сезонъ [1]) богачами Лондона устраиваются особыя катанья, которыя привлекаютъ въ Хэйдъ-паркъ толпы любопытныхъ. Катанья устраиваются въ особыхъ экипажахъ (coachs), представляющихъ изъ себя родъ каретъ съ устроенными наверху открытыми мѣстами для катающихся. Къ опредѣленному часу въ опредѣленномъ мѣстѣ парка собираются 15—20 такихъ экипажей, запряженныхъ шестериками; открытыя мѣста въ экипажахъ заняты группами элегантныхъ мужчинъ и дамъ.

Выстроившись цугомъ въ одну линію, экипажи проѣзжаютъ нѣсколько разъ по аллеямъ парка пе-

---

[1]) Лондонскій „сезонъ" начинается въ первыхъ числахъ мая и заканчивается въ началѣ іюля.

редъ любующейся катаньемъ публикой. Зрѣлище получается дѣйствительно великолѣпное: роскошны и экипажи, и упряжь, и туалеты катающихся дамъ, но всеобщее жадное вниманіе приковываютъ къ себѣ лошади, животныя исключительной и рѣдкой красоты...

---o---

Лондонъ необъятенъ по своей величинѣ: съ сѣвера на югъ онъ тянется на 12 верстъ, съ запада на востокъ приблизительно на 21 версту. Непосредственно къ Лондону примыкаетъ множество предмѣстій, которыя сливаются съ Лондономъ въ одинъ общій гигантскій городъ. Если можно было бы вытянуть улицы Лондона, число которыхъ—не считая предмѣстій—достигаетъ 8.000, въ одну прямую линію, эта линія заняла бы протяженіе въ 4—$4^1/_2$ тысячи верстъ.

Можно получить довольно ясное представленіе о величинѣ Лондона, если смотрѣть на городъ съ вышки собора Св. Павла, находящагося въ самомъ центрѣ Лондона, въ такъ называемой «Сити». Но ниоткуда Лондонъ не кажется такимъ безобразнымъ, какъ съ этой вышки: глазъ буквально тонетъ въ разстилающемся со всѣхъ сторонъ необъятномъ морѣ одноцвѣтнаго сѣраго камня; это море съ неподвижно застывшимъ хаосомъ каменныхъ волнъ, съ низко нависшимъ безжизненнымъ сѣрымъ небомъ кажется какимъ-то холоднымъ угрюмымъ склепомъ, въ которомъ заживо похоронены милліоны человѣческихъ жизней.

Pierre de Coulevain [1]), сравнивая Лондонъ съ Парижемъ, уподобляетъ Парижъ улью, а Лондонъ муравейнику.

Дѣйствительно: Парижъ и Лондонъ полны лихорадочной дѣятельности, но и внѣшняя и внутренняя жизнь этихъ двухъ столицъ рѣзко отличаются другъ отъ друга. Парижъ полонъ, съ одной стороны, кипучей дѣятельности, съ другой — любви къ жизни, красотѣ и художественности. Даже весь наружный обликъ Парижа пропитанъ атмосферой красоты и жизненности: она разлита и во внѣшнемъ видѣ города съ его роскошными avenues, съ его художественными площадями, памятниками, зданіями, съ его уличными кафе и людными бульварами; и въ яркомъ блескѣ солнца; и въ колоритѣ неба; и въ теплыхъ краскахъ несравненныхъ по красотѣ солнечныхъ закатовъ... Творческая сила жизни и красоты трепещетъ въ природѣ Франціи; она течетъ въ крови французскаго народа...

Лондонъ холоденъ и безстрастенъ. Все, что есть въ немъ красиваго, кажется перенесеннымъ въ него съ чужой почвы. Его музеи и галлереи переполнены необычайными рѣдкостями; внутреннее убранство частныхъ домовъ и клубовъ отличается иногда изысканными комфортомъ и роскошью; но ни во внѣшней, ни во внутренней жизни Лондона нѣтъ тѣхъ тонкихъ

---

[1]) L'ile Inconnue.

изгибовъ мысли и чувства, которые свойственны всему художественному.

Фасады домовъ просты и однообразны; красивые памятники, красивыя зданія почти отсутствуютъ: нѣтъ красочныхъ штриховъ ни въ творчествѣ людей, ни въ творчествѣ природы. Воздухъ пропитанъ копотью; кишащія движеніемъ улицы задернуты мутнымъ покрываломъ безцвѣтнаго безжизненнаго неба, и весь Лондонъ кажется точно выкованнымъ изъ камня, разума, труда и капитала. Лондонъ безспорно является величайшимъ культурнымъ центромъ міра; но онъ похожъ на огромный людской «муравейникъ», гдѣ бьющая ключомъ жизнь течетъ по руслу культурно-созидательнаго творчества, но... по ровному, гладкому руслу разума, а не чувства.

Что дѣйствительно поражаетъ въ Лондонѣ при болѣе близкомъ съ нимъ знакомствѣ, это интенсивность уличнаго движенія. Собственно движеніе въ Лондонѣ во всей его совокупности нельзя даже назвать «уличнымъ», такъ какъ огромная часть движенія совершается подъ землей по такъ называемымъ «подземнымъ дорогамъ». Кромѣ опутывающей своей сѣтью разныя части Лондона подземной электрической дороги «Мэтрополитэна», по своему устройству напоминающей «Мэтрополитэнъ» Парижа, существуютъ еще нѣсколько вѣтвей подземныхъ дорогъ, соединяющихъ

центръ города «Сити» съ сѣверными, южными и западными частями Лондона. Изъ этихъ дорогъ интересна по своему устройству такъ называемая дорога-труба или «Тюбъ» (Tube), соединяющая Сити съ западными кварталами Лондона и проложенная на 15-тисаженной глубинѣ подъ землей. «Тюбъ» вполнѣ оправдываетъ свое наименованіе трубы: на протяженіи 9-ти верстъ проложены два параллельныхъ совершенно круглыхъ тоннеля, по которымъ со стремительной быстротой носятся по двумъ противоположнымъ направленіямъ электрическіе поѣзда. На промежуточныхъ станціяхъ, отстоящихъ одна отъ другой на разстояніи 400—500 саженъ, поѣзда на мгновеніе останавливаются, и пассажиры «тюба» поднимаются на поверхность земли или опускаются на платформы станціи «тюба» въ огромныхъ лифтахъ. Любопытна также подземная дорога, соединяющая Сити съ южными кварталами города: постройка этой дороги съ ея тоннелемъ, проложеннымъ подъ Темзой, обошлась въ 350.000 фунтовъ стерлинговъ съ мили.

Что касается уличнаго движенія Лондона, оно наиболѣе характерно и интенсивно въ центральной части города, т.-е. въ Сити. Собственно Сити является одной изъ наименѣе населенныхъ частей города, такъ какъ огромное большинство домовъ и зданій Сити занято или правительственными учрежденіями, или частными банками, конторами и т. п.; но Сити—пульсъ кипучей дѣятельности Лондона. Въ будничные дни улицы Сити напоминаютъ рѣку во время ле-

дохода, съ ея поверхностью, покрытой сплошною массой плывущихъ по теченію льдинъ: снующіе прохожіе, скученные въ нѣсколько параллельныхъ рядовъ моторы, кэбы, омнибусы густыми потоками текутъ по улицамъ Сити, уносимые разными теченіями въ разныя стороны; иногда отдѣльныя волны этихъ живыхъ потоковъ вдругъ замираютъ, давая дорогу перекрестнымъ теченіямъ; но черезъ мгновеніе пестрая чешуя остановившихся экипажей снова плыветъ и шевелится, заливая улицы Сити моремъ жизни и движенія.

Зато въ воскресные дни Сити совершенно вымираетъ и изъ кипучаго центра превращается въ безлюдную пустыню. Впрочемъ «воскресенья» характерны не для одной Сити: они накладываютъ опредѣленную печать на внѣшнюю и внутреннюю жизнь всей Англіи. По воскреснымъ днямъ трудовая жизнь Англіи замираетъ; почта не функціонируетъ; движеніе по желѣзнымъ дорогамъ совершается слабо и частично; даже мелкія привычки видоизмѣняются, и многіе изъ религіознаго чувства воздерживаются по воскресеньямъ отъ шумныхъ игръ и спортовъ. Строй жизни по воскресеньямъ также мѣняется: во многихъ домахъ характерные для Англіи «поздніе обѣды» замѣняются ранними, такъ какъ пользующаяся праздничными отпусками прислуга поневолѣ заставляетъ своихъ господъ вмѣсто «позднихъ обѣдовъ» довольствоваться холодными и незатѣйливыми ужинами.

Строй жизни у миссисъ К. является типичнымъ строемъ англійской жизни вообще. Встаютъ всѣ рано. Въ $8^1/_2$ ч. утра сервируется первый завтракъ (breakfast), въ 1 ч. дня—второй (lunch), въ 5 ч.—чай, въ $7^1/_2$—обѣдъ. Къ обѣду дамы переодѣваются въ «вечеровыя платья (evening dresses), по большей части декольтированныя. Обычай переодѣваться къ обѣду въѣлся въ плоть и кровь англичанъ, по крайней мѣрѣ зажиточныхъ. Этотъ обычай имѣетъ безспорно свои хорошія стороны, такъ какъ пріучаетъ къ извѣстной выдержкѣ; къ тому же послѣ многочисленныхъ дневныхъ экскурсій по пропитанному копотью Лондону положительно пріятно переодѣться къ обѣду. Элегантная сервировка обѣденнаго стола, обиліе цвѣтовъ, элегантные туалеты даютъ всегда, даже въ тѣсномъ семейномъ кругу, маленькую иллюзію праздника; и эти вечерніе семейные праздники своимъ красивымъ внѣшнимъ спокойствіемъ понемногу расправляютъ утомленные дневною суетой нервы и какъ-то незамѣтно сглаживаютъ всякое впечатлѣніе усталости.

Я ежедневно получаю нѣсколько приглашеній и довольно часто бываю какъ въ частныхъ домахъ, такъ и въ клубахъ.

Клубовъ въ Лондонѣ множество: есть клубы военные, политическіе, университетскіе, артистическіе, свѣтскіе, спортсмэнскіе и т. п. Большинство клубовъ—или мужскіе или женскіе, т.-е. членами того или иного клуба могутъ состоять исключительно или мужчины или женщины; но каждому члену клуба

предоставлено право приглашать въ свой клубъ въ качествѣ гостей кого угодно. Нѣкоторые клубы насчитываютъ до 5—6 тысячъ членовъ. Въ наиболѣе дорогихъ клубахъ членскіе взносы достигаютъ 100—140 рублей въ годъ съ каждаго члена, что, впрочемъ, не мѣшаетъ многимъ англичанамъ и англичанкамъ состоять членами нѣсколькихъ клубовъ одновременно. Клубы служатъ не только мѣстомъ сборищъ и развлеченій; многимъ они замѣняютъ «home», такъ какъ члены клубовъ при желаніи могутъ останавливаться и временно жить въ своихъ клубахъ. Это представляетъ огромное удобство главнымъ образомъ для тѣхъ, кто не имѣетъ постояннаго жительства въ Лондонѣ. Устроены клубы по большей части въ высшей степени комфортабельно: при клубахъ имѣются библіотеки, читальни, роскошныя гостиныя, столовыя и т. п.

Многіе клубы по роскоши буквально напоминаютъ дворцы. Рестораны въ клубахъ превосходные, и въ Лондонѣ очень распространенъ обычай приглашать друзей и знакомыхъ въ клубы къ чаю, завтраку или обѣду. Въ дневные часы во время сезона клубы иногда бываютъ переполнены приглашенными, и салоны клубовъ, гдѣ за отдѣльными маленькими столиками члены клубовъ радушно угощаютъ чаемъ своихъ гостей, представляютъ обыкновенно чрезвычайно оживленное и красивое зрѣлище.

Собранія въ частныхъ домахъ носятъ по большей части нѣсколько чопорный и порой въ высшей сте-

пени монотонный характеръ. Наименьшимъ оживленіемъ отличаются дневные журъ-фиксы съ ихъ пресловутыми «five o'clock», которые посѣщаются почти исключительно барышнями и дамами. Съ внѣшней стороны эти журъ-фиксы очень красивы, но въ элегантныхъ салонахъ среди пестраго роя хорошенькихъ разряженныхъ англичанокъ рѣдко-рѣдко услышишь оригинально высказанную мысль или живое, умное слово; англичанки —за рѣдкими исключеніями—производятъ однообразное впечатлѣніе хорошенькихъ и нарядныхъ куколокъ. Но не только женщины, даже и мужчины въ Англіи поражаютъ низкимъ уровнемъ своего умственнаго развитія.

Англичане по большей части люди практическаго дѣла: имъ некогда заниматься отвлеченнымъ мышленіемъ; если же у нихъ является досугъ, они предпочитаютъ тратить его на спорты, на общественныя развлеченія или на путешествія.

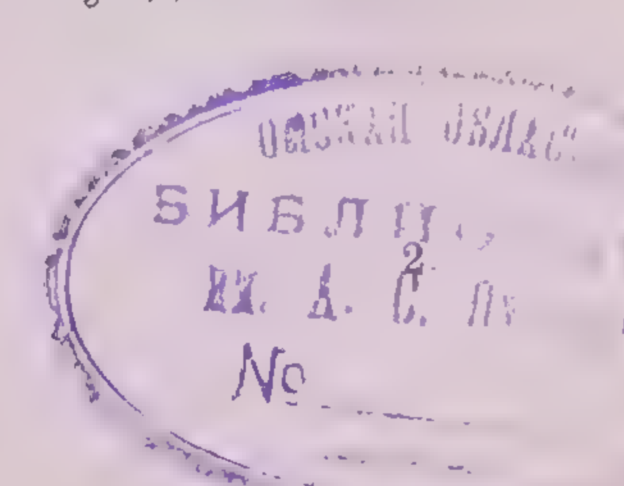
Несмотря на то, что Англія можетъ похвалиться именами оригинальнѣйшихъ мыслителей и ученыхъ, здравый, ясный умъ англичанъ въ своемъ корнѣ прежде всего практическій и, если можно такъ выразиться, «прикладной», а не созерцательный или аналитическій. На высшее образованіе въ Англіи смотрятъ какъ на роскошь или привилегію; высшее образованіе служитъ прежде всего средствомъ, а не цѣлью; образованіе ради образованія, ради простой и естественной потребности расширенія умственнаго кругозора считается по большей части простой и ненужной

тратой силъ и времени. Лучшіе университеты Англіи до извѣстной степени привилегированы, такъ какъ являются доступными только вполнѣ состоятельнымъ людямъ. Традиціи воспитанія, даваемыя семьей и средней школой, служатъ, по мнѣнію англичанъ, достаточнымъ и надежнымъ балластомъ для благополучнаго и счастливаго плаванія по волнамъ житейскаго моря. Религія, знанія, пониманіе жизни во всѣхъ ея многосторонныхъ и разнообразныхъ проявленіяхъ принимаются большинствомъ англичанъ въ готовыхъ, выработанныхъ, прочно сложившихся формахъ; эти формы, пока онѣ не идутъ въ разрѣзъ съ претерпѣвающими эволюцію требованіями жизни, сохраняются англичанами во всей ихъ неприкосновенности и не подвергаются ни обществомъ, ни отдѣльными индивидуумами анализу или критикѣ. Да и къ чему, зачѣмъ нужна критика, когда силы страны видимо, осязательно работаютъ на благо общества и родины, когда Англія благоденствуетъ и англичане принадлежатъ къ числу счастливѣйшихъ націй міра!..

Несмотря на движеніе исторіи человѣчества въ объединительномъ направленіи, каждый народъ въ силу цѣлаго ряда причинъ, коренящихся какъ въ географической средѣ разныхъ странъ, такъ и въ расовыхъ особенностяхъ отдѣльныхъ народностей и въ различіи претерпѣваемыхъ ими историческихъ вліяній, имѣетъ какъ свою индивидуальную историческую судьбу, такъ и свою индивидуальную функцію, свою роль въ общемъ ходѣ всемірной исторіи.

Не высшая ли мудрость каждаго отдѣльнаго народа умѣть сглаживать на своемъ историческомъ пути наиболѣе крупные недочеты человѣческаго существованія? Не высшая ли философія умѣть реально находить въ жизни и удовлетвореніе и счастье?..

Лондонъ полонъ суеты—какъ дѣловитой, такъ и свѣтской. По большей части мужчины въ Лондонѣ днемъ работаютъ, вечеромъ же посѣщаютъ балы, театры или клубы—вообще пользуются какими-нибудь развлеченіями. «Конецъ недѣли» (week-end) чаще всего употребляется на поѣздки за городъ, на Темзу и т. п. Смѣна впечатлѣній благотворно вліяетъ на утомленные работой нервы, и для англичанъ праздникъ только тогда является настоящимъ праздникомъ, когда онъ сопряженъ съ «перемѣной» (change). Женщины среди матеріально обезпеченныхъ классовъ часть дня употребляютъ на домашнія и хозяйственныя заботы; другая часть дня уходитъ на прогулки, на разъѣзды по магазинамъ и на пріемъ или посѣщеніе знакомыхъ. Каждая англичанка, имѣющая квартиру или домъ въ Лондонѣ, устраиваетъ у себя по большей части одинъ пріемный день въ недѣлю; гости съѣзжаются днемъ къ чаю, и на этихъ журфиксахъ безсодержательная болтовня смѣняется иногда пѣніемъ, музыкой или декламаціей. Гости повидимому избѣгаютъ затруднять хозяйку дома необхо-

димостью занимать себя и стараются наперерывъ вносить что-нибудь въ общество: поэтому они охотно, по первой просьбѣ, демонстрируютъ свои «таланты», нисколько не смущаясь низкими качествами послѣднихъ.

Наиболѣе блестящій характеръ принимаетъ жизнь Лондона вечеромъ. «Поздніе обѣды», особенно званые, отличаются роскошью какъ сервировки, такъ и туалетовъ. Привычка изысканно одѣваться свойственна въ Англіи столько же мужчинамъ, сколько и женщинамъ.

Нигдѣ на континентѣ театры или концертные залы не переполнены такой элегантной публикой, какъ въ Лондонѣ, и даже на небольшіе вечера и собранія мужчины имѣютъ обыкновеніе являться во фракахъ, а женщины—декольтированныя и увѣшанныя драгоцѣнностями.

— o —

Къ наиболѣе интереснымъ достопримѣчательностямъ Лондона нужно прежде всего отнести его великолѣпные музеи съ собранными въ нихъ богатѣйшими и разнороднѣйшими коллекціями. Особое и исключительное вниманіе заслуживаетъ «Британскій музей», который распадается на два совершенно обособленныхъ отдѣла: въ западной части Лондона находится естественно-историческій отдѣлъ «Британскаго музея» съ рѣдкостными геологическими, палеонтологическими, зоологическими и ботаническими кол-

лекціями; основное же ядро музея, такъ называемый «Британскій музей», находится въ болѣе центральной части Лондона и является яркимъ и наглядным памятникомъ разнообразнѣйшихъ ступеней культуры, черезъ которыя прошло человѣчество на пути своего эволюціоннаго развитія. Оба отдѣла музея въ своей совокупности представляютъ яркую иллюстрацію какъ исторіи земли, такъ и исторіи зародившейся и последовательно развивавшейся на землѣ жизни во всѣхъ многообразныхъ и сложныхъ ея проявленіяхъ, подмѣченныхъ и изслѣдованныхъ пытливой человѣческой мыслью.

Если даже малообразованный человѣкъ дастъ себѣ трудъ поближе и повнимательнѣе вглядѣться въ рѣдкостныя коллекціи основного отдѣла Британскаго музея, онъ неминуемо испытаетъ ощущеніе человѣка, который изъ слѣпого вдругъ становится зрячимъ: онъ увидитъ свѣтъ исторіи, ощутитъ его непосредственно; онъ безъ книгъ, безъ учебниковъ пойметъ жизнь и культуру отдаленнѣйшихъ вѣковъ; онъ пойметъ міросозерцаніе древнѣйшихъ народовъ, ихъ жизнь, ихъ бытъ, ихъ культъ и вѣрованія...

Я помню ощущеніе, испытанное мною при посѣщеніи сталактитовыхъ пещеръ въ Адельсбергѣ: когда я блуждала по коридорамъ и заламъ этого фееричнаго подземнаго дворца съ его свисающими съ потолковъ искрящимися при свѣтѣ бѣлыми и розовыми сталактитами, съ его причудливо выточенными рѣзцомъ природы фигурами и статуями, съ его фантастически

сгруппированными хороводами животныхъ, карликовъ и гномовъ, мнѣ невольно казалось, что я невидимой рукой перенесена въ волшебное царство и вижу передъ собой причудливые образы сказокъ, внезапно воплотившіеся въ живыя и реальныя формы. И когда я, отмѣчая сознаніемъ чрезвычайную медленность нарастанія сталактитовъ, глядѣла на огромные своды пещеръ, заполненные сталактитовыми глыбами, я невольно теряла представленіе времени: мнѣ начинало казаться, что съ сталактитовъ глядятъ на меня тысячелѣтія и что всѣ эти тысячелѣтія выкристаллизовались въ одномъ мгновеніи, неподвижно и безстрастно застывшемъ передъ лицомъ всеобъемлющей вѣчности.

Нѣчто подобное испытала я при осмотрѣ «Британскаго музея», гдѣ, среди памятниковъ отдаленнѣйшихъ и разнообразнѣйшихъ странъ и народностей, тѣни прошлаго сплетаются въ яркіе живые образы. Какъ въ фокусѣ собраны въ залахъ Британскаго музея лучи все просвѣтлявшагося въ поступательномъ движеніи культуры мышленія человѣка, и скрещивающіеся въ этомъ фокусѣ тысячелѣтія набрасываютъ богатые пестрые узоры творчества человѣческой мысли на грубую канву доисторическаго прошлаго. Богатѣйшія коллекціи памятниковъ древнѣйшихъ культовъ ярко очерчиваютъ психологію и бытовыя картины древнѣйшихъ народностей: вѣдь почитаніе души и зачатки культа легли въ основу первыхъ движеній человѣческой мысли и человѣческой фан-

тазіи! И черезъ сколько стадій прошла эта все развивавшаяся и продолжающаяся развиваться мысль, воздвигая идеалы въ религіи, въ жизни, въ искусствѣ, разрушая консервативные старые культы, видоизмѣняя ихъ, приспособляясь къ нимъ, наслаивая одни идеалы и вѣрованія на другіе! Неоцѣнимую роль сыгралъ культъ для разгадокъ прошлаго: онъ явился живой книгой, ярко обрисовавшей міросозерцаніе людей, жившихъ за многія тысячи лѣтъ; уцѣлѣвшіе памятники древнѣйшихъ культовъ, подобно остаткамъ «ископаемыхъ», по которымъ зоологи возстановляютъ анатомическое строеніе вымершихъ индивидуумовъ и группъ, помогли связать разрозненныя звенья поступательнаго движенія эволюціи въ одну цѣльную, крѣпкую, разумно скованную цѣпь.

Трудно было бы детально останавливаться на описаніи Лондонскихъ музеевъ, въ которыхъ собраны неисчислимыя сокровища. Кромѣ Британскаго музея особаго вниманія заслуживаютъ также огромный Кенсингтонскій музей, коллекція Уолласа (Wallace collection), Національная картинная галлерея и галлерея Тэта, которая является представительницей британскаго искусства. Не лишена также нѣкотораго интереса «Королевская Академія» (Royal Academy), съ устраиваемыми въ ней ежегодными выставками новѣйшихъ произведеній англійскихъ художниковъ; впрочемъ, новѣйшія произведенія англійскаго искусства—за рѣдкими исключеніями—поражаютъ какъ блѣдностью замысла, такъ и выполненія.

Однимъ изъ наиболѣе старинныхъ памятниковъ прошлаго въ Лондонѣ является угрюмо возвышающійся на лѣвомъ берегу Темзы въ восточной части Сити Тоуэръ. Обнесенный толстыми стѣнами, Тоуэръ имѣетъ уродливую форму неправильнаго многоугольника и среди залитаго шумомъ и движеніемъ Лондона кажется какимъ-то покрытымъ сѣдиною безмолвнымъ старцемъ, погруженнымъ въ свои думы и въ воспоминанія своего мрачнаго прошлаго. Тѣни кровавыхъ жертвъ и томившихся въ его сводахъ узниковъ какъ будто до сихъ поръ еще рѣютъ надъ мрачными контурами его безпорядочно разбросанныхъ башенъ. По срединѣ замѣтно возвышается занимающая центральное положеніе четырехугольная глыба «Бѣлаго Тоуэра»—наиболѣе старинная часть крѣпости, построенная въ началѣ XI вѣка Вильгельмомъ Завоевателемъ. Въ сѣверо-западной части Тоуэра пріютилась небольшая церковь, служащая усыпальницей многимъ обезглавленнымъ узникамъ. Казни производились обыкновенно на открытомъ возвышеніи, лежащемъ къ сѣверо-западу отъ Тоуэра; но иногда узниковъ казнили и въ самомъ Тоуэрѣ. Башня, въ которой были умерщвлены Эдуардъ V и его братъ Ричардъ, герцогъ Іоркскій—малолѣтніе дѣти Эдуарда IV,—именуется «кровавой башней» (Bloody Tower). Останки Эдуарда V и Ричарда, найденные въ Тоуэрѣ, были, по приказанію Карла II, перенесены въ 1674 г. въ Вестминстерское Аббатство и погребены въ капеллѣ Генриха VII.

Въ настоящее время Тоуэръ, не потерявъ своего

значенія крѣпости, служитъ главнымъ образомъ арсеналомъ, а въ круглой башнѣ Уэкфильда хранятся въ витринахъ великолѣпные королевскіе бриллiанты и драгоцѣнности, стоимость которыхъ исчисляется въ 3 мил. фунтовъ стерлинговъ. Большинство башенъ Тоуэра закрыты и на посѣщеніе ихъ требуется особое разрѣшеніе. Но даже доступная осмотру посѣтителей небольшая башня Beauchamp, испещренная надписями, выгравированными на ея стѣнахъ томившимися въ ней заключенными, краснорѣчиво говоритъ о прежнемъ назначеніи Тоуэра и о его мрачномъ историческомъ прошломъ.

Другимъ памятникомъ старины въ Лондонѣ является его знаменитое Вестминстерское Аббатство.

Существуетъ предположеніе, что на мѣстѣ теперешняго Вестминстерскаго Аббатства еще въ VII вѣкѣ стояла небольшая церковь, построенная саксонскимъ королемъ Зебертомъ. По сказаніямъ легенды, наканунѣ дня освященія церкви, рыбакъ, перевозя въ лодкѣ незнакомца, вдругъ услышалъ пѣніе ангеловъ и увидѣлъ новоотстроенную церковь всю залитую яркими огнями; необыкновенно богатый уловъ рыбы въ связи съ нѣкоторыми сказанными незнакомцемъ словами заставилъ предположить, что незнакомецъ былъ никто иной, какъ апостолъ Петръ. Церковь была посвящена Петру, и рыбаки стали отдавать десятую часть пойманной въ Темзѣ рыбы въ пользу церкви. Послѣдняя часть легенды очевидно указываетъ на «десятину», которая въ теченіе долгаго времени взы-

малась монахами съ мѣстныхъ рыбаковъ. Вполнѣ достовѣрно можно установить лишь то, что Вестминстерское Аббатство было построено въ XI в. Эдуардомъ Исповѣдникомъ. Изгнанный послѣ смерти Этельреда датчанами, благочестивый Эдуардъ далъ обѣтъ, въ случаѣ одержанія верха надъ датчанами, совершить паломничество въ Римъ къ могилѣ св. Петра. Но, ставъ королемъ Англіи, Эдуардъ увидѣлъ всю невозможность покинуть своихъ подданныхъ. Папа рѣшилъ освободить Эдуарда отъ даннаго обѣта на условіи, чтобы Эдуардъ основалъ монастырь и посвятилъ его св. Петру. Около Вестминстерскаго дворца Эдуарда находился небольшой монастырь; на него-то и обратились взоры Эдуарда: онъ значительно расширилъ монастырь и перестроилъ старую церковь, въ которой и былъ похороненъ послѣ смерти. Въ настоящее время не осталось почти никакихъ слѣдовъ отъ построенной Эдуардомъ церкви: сохранились только нѣкоторыя монастырскія постройки; церковь же была капитально перестроена Генрихомъ III и его преемникомъ въ духѣ господствовавшихъ въ то время формъ готическаго стиля и съ тѣхъ поръ сохранила типичность своей готической архитектуры. Затѣмъ церковь достраивалась очень медленно еще въ теченіе нѣсколькихъ сотъ лѣтъ, такъ что въ періодъ полнаго одряхлѣнія готики западныя башни церкви были еще не достроены. Изъ различаемыхъ въ Англіи трехъ періодовъ развитія готики къ позднѣйшему періоду относится построенная въ XVI в. рос-

кошная капелла Генриха VII; эта капелла по фантастической фермовкѣ сводовъ и необыкновенному богатству декоративности рѣзко отличается отъ остальныхъ частей Вестминстерскаго Аббатства, архитектура которыхъ по большей части относится къ господствовавшему въ XIII в. наиболѣе типичному и выдержанному «раннему англійскому стилю» (early english).

Значеніе Вестминстерскаго Аббатства послѣ погребенія въ немъ Эдуарда Исповѣдника стало быстро возрастать: къ священной ракѣ благочестиваго короля толпами стекались богомольцы, и обрядъ коронованія и погребенія англійскихъ королей въ Вестминстерскомъ Аббатствѣ вблизи священнаго праха Эдуарда пріобрѣлъ особенную святость. Серьезный ударъ Аббатству былъ нанесенъ введеніемъ реформаціи: Аббатство подверглось существеннымъ лишеніямъ; парламентскимъ актомъ оно было преобразовано въ соборъ, а со временъ Елизаветы оно стало офиціально именоваться «коллегіальной церковью св. Петра». Собственно аббатство перестало быть монастыремъ еще въ царствованіе Генриха VIII; но названія, укоренившись прочно, часто переживаютъ дѣйствительность, и «коллегіальной церкви св. Петра», вѣроятно, суждено будетъ надолго сохранить свое прежнее наименованіе «Вестминстерскаго Аббатства».

Внутренній видъ имѣющаго форму латинскаго креста богато отдѣланнаго аббатства съ его импозантными и необыкновенно гармоничными размѣрами, съ его великолѣпными капеллами и многочисленными мо-

гилами и памятниками цѣлаго ряда выдающихся людей, производитъ глубокое и неотразимое впечатлѣніе, и съ полнымъ правомъ приписывается часто Вестминстерскому Аббатству почетное наименованіе «Жемчужины Лондона».

Т., узнавъ о моемъ желаніи побывать въ парламентѣ на засѣданіяхъ Верхней и Нижней палатъ, любезно прислалъ мнѣ приглашеніе на «парламентскій чай».

Въ назначенный день и часъ я встрѣтилась съ миссисъ Т. въ одной изъ залъ парламента, гдѣ небольшая группа приглашенныхъ на парламентскій чай поджидала выхода знакомыхъ депутатовъ. Черезъ нѣсколько минутъ въ дверяхъ зала показалась стройная, безукоризненно корректная фигура Т. На его безстрастномъ лицѣ промелькнула привѣтливая улыбка, и онъ торопливо направился къ намъ.

— Я попрошу васъ сначала на террасу,—обратился онъ ко мнѣ;—послѣ чая я проведу васъ въ палаты.

Огромная, роскошная, парламентская терраса, окаймленная съ одной стороны величественной громадой парламентскаго зданія, съ другой—мутными, сѣрыми волнами Темзы, дышала вся радостнымъ оживленіемъ. За разставленными около барьера террасы маленькими столиками пестрѣли живыя гирлянды роскошныхъ дамскихъ туалетовъ и шляпъ; нѣкоторые депутаты сидѣли съ дамами, другіе расхаживали взадъ и впе-

редъ по террасѣ, иногда группами, иногда въ одиночку... Фешенебельный парламентскій «five o'clock» былъ въ полномъ разгарѣ.

Мы уютно устроились за однимъ изъ маленькихъ столиковъ, очевидно заранѣе заказанныхъ депутатами для своихъ гостей. Элегантно сервированные чай, печенье, сандвичи, клубника, сливки казались необыкновенно аппетитными, и весь этотъ свѣтскій «five o'clock», причудливо вставленный въ угрюмо-дѣловитую оправу парламента, казался и красивымъ и оригинальнымъ. Онъ точно весь былъ построенъ на контрастахъ: подъ сѣрымъ куполомъ неба, на фонѣ мутныхъ волнъ Темзы и величественно-угрюмыхъ глыбъ парламента пестрѣли жизненныя краски изящныхъ свѣтлыхъ туалетовъ, и, казалось, что въ одномъ капризномъ диссонансѣ сплетались одновременно и государственная дѣловитость и свѣтская праздность.

Подъ сѣнью парламента разговоръ нашъ невольно склонился на политическія темы. Т. съ видимымъ интересомъ заговорилъ о «Государственной Думѣ»; онъ сталъ меня разспрашивать о русскихъ политическихъ партіяхъ и объ отношеніи къ ихъ программамъ правительства; онъ интересовался нашими «аграрными волненіями», экономическимъ положеніемъ русскаго крестьянства, предполагавшимися въ ближайшемъ будущемъ реформами...

Темза безстрастно катила свои мутныя волны; па ея противоположномъ берегу вырисовывались разбросанныя зданія больницы Св. Ѳомы, и Лондонъ съ

парламентской террасы казался какой-то отдаленной панорамой—угрюмой и сумрачной...

— Вы, повидимому, успѣли хорошо ознакомиться съ Лондономъ,—обратилась ко мнѣ миссисъ Т.—Каковы же ваши впечатлѣнія?

— Мои впечатлѣнія?.. Я скажу, что Лондонъ мнѣ не столько нравится, сколько онъ мнѣ кажется интереснымъ. Онъ производитъ на меня впечатлѣніе гигантскаго калейдоскопа жизни; это точно какой-то массивный сплавъ, въ составъ котораго входятъ разнороднѣйшіе соціальные, экономическіе и нравственные элементы. Конечно,—поспѣшила добавить я,— мнѣ приходится такъ судить о Лондонѣ прежде всего по наслышкѣ; лично мнѣ удалось пока ознакомиться только съ лицевой, къ тому же почти исключительно свѣтской стороной лондонской жизни; но мнѣ очень хотѣлось бы видѣть Лондонъ со всѣхъ его сторонъ...

— Что же собственно васъ прежде всего интересовало бы видѣть въ Лондонѣ?

— Да все. Всевозможныя лондонскія учрежденія. Жизнь лондонскихъ бѣдняковъ...

— Какихъ бѣдняковъ?—снова вмѣшался въ разговоръ Т.—Жизнь ремесленниковъ (artisans) или же жизнь бѣднѣйшихъ обитателей Лондона (the poorest of the poor)?

— И то и другое.

— Вы, можетъ быть, хотѣли бы посѣтить лондонскія трущобы (slums)?—съ улыбкой спросилъ Т.

— Конечно. Очень хотѣла бы,—съ оживленіемъ отвѣтила я.

— Это можно было бы вамъ устроить. Но, знаете, личное посѣщеніе трущобъ дастъ вамъ не много. Если вы дѣйствительно интересуетесь жизнью лондонскихъ бѣдняковъ, самое правильное, ясное и детальное представленіе о ихъ жизни вы можете прежде всего почерпнуть изъ капитальнаго труда Карла Бута. Вы, вѣроятно, отчасти знакомы съ этимъ трудомъ?

— Нѣтъ.

— Нѣтъ?—искренно удивился Т.—Видите ли, Бутъ почти всю свою жизнь отдалъ обездоленнымъ классамъ; онъ былъ собственно первымъ человѣкомъ, который открылъ намъ всѣмъ глаза на положеніе лондонскихъ бѣдняковъ.

— Какъ же называется этотъ трудъ Бута?

— «Жизнь и трудъ народа въ Лондонѣ». О, это капитальнѣйшій трудъ и, если хотите, довольно объемистый—17 томовъ...

— 17 томовъ!?—съ нескрываемымъ ужасомъ воскликнула я.—Нѣтъ, я ужъ лучше прочту эти 17 томовъ впослѣдствіи, а пока я останусь при своемъ желаніи хотя бы поверхностно, но лично ознакомиться съ разнообразными сторонами жизни Лондона и съ его учрежденіями.

— Какія же учрежденія васъ интересуютъ?

— Да разныя: тюрьмы, рабочіе дома, больницы, дешевыя квартиры для бѣдныхъ...

— Вотъ ужъ дѣйствительно калейдоскопъ,—за-

смѣялся Т;—все это вы, вѣроятно, видѣли раньше въ Россіи... Но, если хотите, я постараюсь помочь вамъ всѣмъ, чѣмъ могу, въ удовлетвореніи вашей любознательности по отношенію къ Лондону.

И, замѣтивъ на моемъ лицѣ тѣнь замѣшательства, Т. любезно добавилъ:

— Повѣрьте, быть вамъ полезнымъ будетъ для меня только удовольствіемъ. А теперь я проведу васъ и миссисъ Т. въ палаты...

Мы поднялись изъ-за стола.

— Сначала я проведу васъ въ палату Общинъ,— сказалъ Т.—Только я попрошу васъ и миссисъ Т. пройти наверхъ на дамскую трибуну.

Съ расположенныхъ амфитеатромъ мѣстъ дамской трибуны почти не видно было парламентской палаты: на виду были только верхнія галлереи. Плотная узорчатая рѣшетка, отдѣляющая дамскую трибуну отъ палаты Общинъ, дѣлала трибуну похожей на клѣтку, очевидно особенно «безпросвѣтную» послѣ имѣвшихъ мѣсто въ палатѣ бурныхъ манифестацій суфражистокъ. Въ палатѣ общинъ чувствовалось какое-то напряженіе: къ рѣчамъ часто примѣшивались отдѣльные возгласы, и иногда среди тишины вдругъ прокатывались рокочущія волны слитаго гула голосовъ. Съ невольнымъ уваженіемъ прислушивалась я къ біенію этого политическаго сердца Англіи: его толчки казались мнѣ увѣренными, ровными, спокойными...

«Какое это счастливое, здоровое сердце,—думала я. —Какой великій здравый смыслъ заложенъ въ на-

цію, умѣющую гармонично уравновѣшивать на вѣсахъ своей «гибкой» конституціи строжайшую законность правительственной системы, неограниченную законодательную власть парламента и политическое верховенство своего въ сущности самодержавнаго народа...»

Въ палатѣ лордовъ все было величественно и спокойно. Подъ золоченымъ балдахиномъ красовались великолѣпные троны короля, королевы и наслѣднаго принца. Отъ облика лорда-канцлера, отъ строгихъ фигуръ пэровъ въ черныхъ цилиндрахъ вѣяло чопорностью и величіемъ. Чрезъ цвѣтныя стекла оконъ струились внизъ яркіе потоки свѣта и кровавыми блестками разсыпались по красному сафьяну расположенныхъ амфитеатромъ скамей.

«Точно храмъ,—невольно подумала я, любуясь роскошной палатой лордовъ,—храмъ одного общаго для всѣхъ англичанъ божества; это божество—«король въ парламентѣ»; единое по существу, оно троично въ лицахъ: корона, палата лордовъ, палата общинъ имѣютъ свои обособленныя «прерогативы» и «привилегіи», но онѣ сплочены въ одно цѣлое и неразрывно связаны между собою, какъ органы одного и того же тѣла. И это тѣло крѣпко и сильно; оно почти всемогуще.» По шутливому замѣчанію Делольма, англійскому парламенту доступна возможность сдѣлать все; парламентъ не можетъ только «превратить женщину въ мужчину и мужчину въ женщину».

———o———

Т. привезъ мнѣ пропуски въ рабочій домъ (poplar Workhouse), въ больницу (London Hospital) и въ Голлоуэйскую тюрьму (Holloway prison).

— Я написалъ также въ армію спасенія,—сказалъ онъ;—если вы захотите видѣть жизнь бѣдняковъ, одна изъ членовъ арміи спасенія покажетъ вамъ трущобы. Что касается вашего желанія видѣть дешевыя квартиры для бѣдной части населенія Лондона, я могъ бы устроить вамъ это сегодня же, если бы вы не отказали поѣхать со мною въ совѣтъ Лондонскаго Графства (London County counsil).

Я поблагодарила Т., и мы отправились въ совѣтъ Лондонскаго Графства.

Послѣ короткихъ переговоровъ Т. обратился ко мнѣ:

— Одинъ изъ чиновниковъ покажетъ вамъ сейчасъ квартиры, устроенныя совѣтомъ Лондонскаго Графства въ городѣ; для осмотра дешевыхъ квартиръ, устроенныхъ на окраинахъ Лондона, вамъ придется поѣхать въ Тутингъ (Tooting); это довольно далеко, но одинъ изъ чиновниковъ поѣдетъ съ вами въ Тутингъ и покажетъ вамъ все, что васъ будетъ интересовать. До поѣздки въ Тутингъ вы успѣете заѣхать къ намъ позавтракать; я буду надѣяться, что вы не откажете моей женѣ и мнѣ въ удовольствіи завтракать съ вами.

Я поблагодарила Т. за приглашеніе и за его любезность.—Мнѣ совѣстно, что я доставила вамъ столько хлопотъ,—невольно добавила я.

— Какія же хлопоты? Я радъ быть вамъ полез-

нымъ,—съ простой и неподдѣльной искренностью возразилъ Т. П, пожимая мнѣ на прощанье руку, Т. привѣтливо добавилъ:—мы непремѣнно ждемъ васъ къ завтраку.

«Положительно, англичане самый любезный народъ въ мірѣ», думала я, пока кэбъ катилъ меня по направленію къ Кэмбль-Стритъ.

Мы подъѣхали къ большому зданію.

— Это Брюсъ-Хоузъ (Bruce House)—пояснялъ мнѣ сопровождавшій меня чиновникъ,—родъ ночлежнаго дома или пріюта для мужчинъ. Брюсъ-Хоузъ приспособленъ на 699 человѣкъ; за ночь взымается плата въ 6 пэнсовъ съ человѣка.

Чиновникъ ввелъ меня въ длинный коридоръ, въ который выходило множество дверей.

— Вотъ тутъ спальни...

Я заглянула въ нѣсколько комнатъ; всѣ спальни были устроены по одному образцу: отдѣльныя крошечныя комнаты съ недоходящими до потолка перегородками; въ каждой комнатѣ—хорошая кровать, устроенная откидной для того, чтобы удобнѣе было подметать и чистить полъ; у кровати полка; пониже—вѣшалка, сдѣланная нарочно подъ полкой для того, чтобы черезъ перегородку нельзя было украсть повѣшеннаго платья. Какъ всюду въ Англіи, огромное вниманіе обращено на чистоту. Большія уборныя удобно приспособлены для умыванья. Умыванье—безплатное, но желающіе пользоваться ваннами платятъ за ванну и мыло добавочный пэнсъ.

Въ «Брюсъ-Хоузъ» имѣется буфетъ, гдѣ за дешевую плату можно получать чай, кофе, хлѣбъ, картофель и т. п. Живущіе въ Брюсъ-Хоузъ имѣютъ право пользоваться безплатно горячей водой и плитой для приготовленія себѣ пищи. Кромѣ большой столовой въ Брюсъ-Хоузъ имѣется еще просторная курильная комната маленькій клубъ, гдѣ собираются обитатели Брюсъ-Хоуза. Населяютъ Брюсъ-Хоузъ люди самыхъ разнообразныхъ категорій: рабочіе, газетчики, уличные продавцы и т. п. Одѣты всѣ бѣдно; лица у большинства изможденныя...

Я стала разспрашивать чиновника объ учрежденіяхъ, основанныхъ для неимущихъ классовъ совѣтомъ Лондонскаго Графства.

— Первые дома съ дешевыми квартирами были открыты совѣтомъ Лондонскаго Графства въ 1894 г., сказалъ чиновникъ. — Теперь дѣятельность совѣта Лондонскаго Графства значительно расширилась въ этомъ направленіи. Если хотите, я могу дать вамъ вполнѣ точныя свѣдѣнія...

Чиновникъ вытащилъ изъ бокового кармана справочный листокъ.

— Вотъ видите ли,—продолжалъ онъ,—уже къ 31 марта 1906 года были устроены совѣтомъ Лондонскаго Графства 7,697 наемныхъ помѣщеній, которыя включали:

5330 квартиръ и комнатъ,

967 коттэджей или квартиръ въ коттеджахъ,

1147 коекъ для ночлега и

244 лавокъ, мастерскихъ и т. п.,—
все это на 42-хъ участкахъ.

При болѣе детальномъ разсмотрѣ мы видимъ, что въ настоящее время наемныя помѣщенія распадаются на слѣдующія группы:

Имѣются: 163 помѣщенія въ одну комнату, сдаваемыя за плату отъ 2 шиллинговъ 3 пенсовъ до 5 шилл. въ недѣлю;

3,033 квартиры въ 2 комнаты, сдаваемыя за 4 шилл. 6 п.—8 шилл. 6 п. въ недѣлю;

2504 квартиры въ 3 комнаты, сдаваемыя за 5 ш. 6 п.—11 ш. въ недѣлю;

459 квартиръ въ 4 комнаты, сдаваемыхъ за 7—13 шилл. въ недѣлю;

144 квартиры въ 5 комнатъ, сдаваемыя за 8—13 ш. въ недѣлю;

3 квартиры въ 6 комнатъ, сдаваемыя за 14—14 ш. 6 п. въ недѣлю;

1147 коекъ для ночлега по 6 пенсовъ за ночь.

Зданія и коттэджи, которые строятся въ данное время, приспособлены на 10,242 человѣка. Проектируемыя въ дальнѣйшемъ зданія должны вмѣстить, по намѣченнымъ уже планамъ, еще 54,220 человѣкъ, такъ что въ общемъ помѣщенія, устроенныя и устраиваемыя совѣтомъ Лондонскаго Графства, будутъ приспособлены на 98,239 человѣкъ.

Чиновникъ предложилъ показать мнѣ дешевыя квартиры, устроенныя Совѣтомъ Лондонскаго Графства въ городѣ. Мы подъѣхали къ нѣсколькимъ огром-

нымъ тѣсно сдвинутымъ корпусамъ. Некрасивые фасады корпусовъ сливались съ асфальтовыми улицами и тротуарами въ сплошныя глыбы камня. Насаженныя деревца и небольшіе садики съ цвѣтами казались на фонѣ камня искусственными, точно лишенными жизни.

Чиновникъ показалъ мнѣ нѣсколько квартиръ въ 2, 3 и 4 комнаты. Квартиры маленькія, но очень комфортабельно устроенныя. Комнаты обставлены по большей части хорошо: всюду ковры, мягкая мебель, цвѣты, книги; все необыкновенно чисто и уютно.

— Внутри лучше, чѣмъ снаружи,—замѣтила я, когда мы снова вышли на улицу.

— Вы находите?—спросилъ чиновникъ.—А между тѣмъ сдѣлано многое, чтобы скрасить и наружный видъ; посмотрите на эти цвѣты и садики; вотъ, напримѣръ, довольно большой общественный садъ, устроенный главнымъ образомъ для дѣтей...

— Да; но все-таки получается такое ощущеніе, какъ будто всѣ люди закованы здѣсь въ камень; даже воздухъ кажется точно насыщеннымъ камнемъ.

— А между тѣмъ гигіеническія условія прекрасныя,—замѣтилъ чиновникъ.—Вы знаете, процентъ смертности, вычисленный за годъ, равенъ 12-ти чел. па тысячу. Рождаемость превышаетъ смертность почти въ три раза...

Въ сравненіи съ городскими квартирами коттэджи въ Тутингѣ произвели на меня самое отрадное впечатлѣніе. Тутингъ соединенъ съ центромъ Лондона

электрическимъ трамваемъ; ѣзды до центра около часа; сообщеніе дешевое и удобное. Тутингъ похожъ на пригородную слободу: улицы обстроены рядами небольшихъ коттэджей; при каждомъ коттэджѣ имѣется отдѣльный садикъ. Квартиры въ коттэджахъ просторныя, устроенныя очень хозяйственно и комфортабельно. Хозяйки квартиръ не безъ гордости показывали мнѣ свои уютные домики; по всему было видно, что онѣ очень довольны условіями своей жизни.

Я ѣздила осматривать Попларъ-Уоркхоузъ (Poplar Workhouse), который считается однимъ изъ самыхъ большихъ и лучшихъ рабочихъ домовъ Лондона. Рабочіе дома предоставляютъ всѣмъ, доведеннымъ до нищеты и неимѣющимъ никакой собственности, возможность получать безплатно бѣлье, одежду, пищу и кровъ; но, съ другой стороны, пользующіеся пріютомъ въ рабочихъ домахъ попадаютъ въ кабалу: они теряютъ свободу и право распоряжаться собой и обязаны выполнять довольно тяжелыя работы, возлагаемыя на нихъ рабочимъ домомъ. Даже по воскресеньямъ обитатели рабочихъ домовъ не пользуются полной свободой, такъ какъ воскресные отпуски связаны съ обязательнымъ постановленіемъ вернуться въ рабочій домъ въ 8 ч. веч.; нарушившіе это постановленіе лишаются права воспользоваться слѣдующимъ отпускомъ. Въ общемъ весь режимъ рабочихъ домовъ очень напоминаетъ тюремный. Въ силу этого рабочіе дома совершенно не пользуются популярностью и симпатіями среди неимущаго класса населе-

нія, и за помощью въ рабочіе дома обращаются только въ силу крайней необходимости; большинство бѣдняковъ предпочитаютъ голодать и ютиться въ грязныхъ трущобахъ, гдѣ они по крайней мѣрѣ сохраняютъ свою свободу и возможность жить неразлученными со своими семьями.

Съ внѣшней стороны рабочіе дома обставлены по большей части очень хорошо, а Попларъ Уоркхоузъ въ насмѣшку часто называютъ даже «дворцомъ». Попларъ Уоркхоузъ приспособленъ на 800 человѣкъ и раздѣленъ на нѣсколько большихъ отдѣльныхъ корпусовъ. Мужчины помѣщены совершенно отдѣльно отъ женщинъ; для дѣтей имѣется также отдѣльное помѣщеніе, и дѣти находятся подъ присмотромъ прислуги. Спальни по устройству напоминаютъ дортуары и разсчитаны человѣкъ на 20 каждая; кровати всюду хорошія и комнаты—большія, комфортабельныя, съ достаточнымъ количествомъ свѣта и воздуха. Чистота всюду образцовая. Имѣются прекрасныя уборныя и ванныя, и каждый обитатель Уоркхоуза имѣетъ право пользоваться ванной разъ въ двѣ недѣли. Уборка спаленъ возложена на обитателей Уоркхоуза, но кромѣ того въ Уоркхоузѣ имѣется прислуга. Для престарѣлыхъ семейныхъ людей отведенъ небольшой отдѣльный корпусъ въ 20 комнатъ—такъ называемый «home», гдѣ каждая отдѣльная комната предоставлена одной супружеской четѣ. Комнаты въ «home» хорошія, уютныя, и вообще «home» рѣзко отличается отъ остальныхъ отдѣловъ Уоркхоуза: въ немъ чув-

ствуются теплая атмосфера «семьи» и неподдѣльное довольство обитателей home'а своими жизненными условіями. Въ одномъ изъ верхнихъ этажей Уоркхоуза помѣщается отдѣленіе для калѣкъ и для людей, неспособныхъ ни къ какой работѣ по болѣзни или старости, при чемъ неработоспособнымъ выдается та же пища, что и работоспособнымъ. Въ Poplar Workhouse имѣются также лазаретъ и 2 или 3 комнаты для эпилептиковъ—съ низкими кроватями и обитыми мягкимъ стѣнами и полами. Всѣ серьезные больные препровождаются въ больницы.

Работы начинаются въ Попларъ-Уоркхоузѣ послѣ утренняго завтрака въ 7½ ч. утра и съ полуторачасовымъ перерывомъ во время обѣда продолжаются до 5½ ч. дня. Работы производятся почти исключительно на Уоркхоузъ, такъ что пользующіеся пріютомъ въ рабочемъ домѣ работаютъ прежде всего какъ бы на поддержаніе «самихъ себя». Пища, выдаваемая обитателямъ Попларъ-Уоркхоуза, состоитъ изъ чая, хлѣба, масла, супа, мяса, картофеля и пуддинговъ; всѣ продукты очень хорошаго качества. Кухни и огромная столовая содержатся необыкновенно чисто и опрятно. Въ Уоркхоузѣ имѣется также библіотека, безплатное пользованіе которой предоставлено всѣмъ обитателямъ Уоркхоуза. Вообще съ внѣшней стороны устройство Попларъ-Уоркхоуза не оставляетъ желать ничего лучшаго.

На каждомъ шагу встрѣчаешься въ Англіи съ широко развитой благотворительностью. Однимъ изъ

образчиковъ благотворительности можетъ служить огромная «Лондонская больница» (London Hospital) въ Уайтчапелѣ, которая существуетъ и функціонируетъ исключительно благодаря постоянному притоку жертвуемыхъ на больницу средствъ. Помѣщеніе больницы разсчитано на 900 — 1000 кроватей, и всѣ больные пользуются въ «Лондонской больницѣ» безплатными содержаніемъ и лѣченіемъ. Для евреевъ имѣются отдѣльныя палаты и отдѣльная кухня, гдѣ пища приготовляется соотвѣтственно требованіямъ еврейской религіи. Для дѣтей также устроены отдѣльныя палаты, при чемъ въ распоряженіе выздоравливающихъ или не слишкомъ слабыхъ дѣтей предоставлено много игрушекъ. Въ больницѣ имѣются нѣсколько хорошихъ операціонныхъ. Чистота всюду образцовая и уходъ за больными прекрасный. Въ Лондонской больницѣ 640 сестеръ и сидѣлокъ, которыя принимаются съ большимъ выборомъ. При поступленіи въ больницу каждая сестра—за рѣдкими исключеніями—платитъ за свое содержаніе 52 гинеи въ годъ, и только впослѣдствіи ей назначается жалованье въ 12—20 фунтовъ въ годъ, которое постепенно увеличивается. Помѣщены сестры въ высшей степени комфортабельно: у всѣхъ прекрасныя комнаты; кромѣ того въ общее распоряженіе сестеръ предоставлено нѣсколько элегантныхъ гостиныхъ и пріемныхъ.

Тенденція предоставить всѣмъ людямъ возможность человѣческаго существованія проходитъ красной нитью черезъ всю жизнь Англіи. Она проникаетъ

даже въ тюрьмы, несмотря на строго выраженный карательный характеръ этихъ учрежденій. Для осмотра тюремъ посторонніе посѣтители допускаются по особымъ пропускамъ: мужчины—въ мужскія тюрьмы, женщины—въ женскія. Голлоуэйская тюрьма (Holloway prison) произвела на меня своимъ устройствомъ очень благопріятное впечатлѣніе. Общихъ камеръ въ Голлоуэйской тюрьмѣ нѣтъ, и всѣ заключенныя размѣщены въ одиночныхъ камерахъ. Расположены камеры въ нѣсколькихъ этажахъ по обѣимъ сторонамъ широкихъ крытыхъ проходовъ съ пролетами посрединѣ, при чемъ двери камеръ въ верхнихъ этажахъ выходятъ на видимыя снизу висячія галлереи. Камеры маленькія—шага 3 въ ширину и шаговъ $5^1/_2$ въ длину, съ крошечными помѣщенными подъ потолкомъ окнами, черезъ толстыя мутныя стекла которыхъ нельзя видѣть ничего, что дѣлается снаружи. Въ каждой камерѣ имѣются небольшой деревянный столъ, стулъ и деревянная полка съ библіей, нѣсколькими книгами духовнаго содержанія и одной книгой, выдаваемой изъ тюремной библіотеки и мѣняемой черезъ каждыя 2 недѣли; на столѣ стоятъ металлическія тарелка и кружка; на полу—металлическій тазикъ для умыванья. Постель устраивается только на ночь на широкой доскѣ, которая стоитъ днемъ прислоненная къ стѣнѣ камеры; подушка, матрацъ и одѣяло аккуратно скатаны на день въ большой свертокъ. Содержатся камеры чрезвычайно чисто; «парашекъ» въ камерахъ нѣтъ, и заключенныя выво-

дятся изъ камеръ прислугой, которая аккуратно является на звонки заключенныхъ (въ женскихъ тюрьмахъ вся прислуга—женская). Воздухъ въ камерахъ хорошій; къ тому же двери камеръ часто бываютъ открыты, и выходъ изъ камеръ преграждается замѣняющими двери запирающимися рѣшетками. Одѣты заключенныя чисто, въ коричневыя платья, и вообще, повидимому, на чистоту обращено большое вниманіе; разъ въ недѣлю каждая заключенная пользуется ванной. Пища выдается заключеннымъ 3 раза въ день (утренній завтракъ, обѣдъ и ужинъ) и состоитъ изъ чая съ молокомъ и сахаромъ, хлѣба, супа, каши, картофеля и пуддинговъ. Ѣдятъ заключенныя въ своихъ камерахъ; общая столовая имѣется только въ тюремной больницѣ. При тюрьмѣ устроено нѣсколько мастерскихъ, гдѣ заключенныя шьютъ казенную обмундировку для служащихъ разныхъ учрежденій и разныя мелочи, ткутъ небольшіе ковры, дѣлаютъ бахрому изъ стекляруса и нѣкоторыя рукодѣлія. Часть заключенныхъ работаетъ въ кухнѣ и прачешной. Кухня и всѣ мастерскія содержатся необыкновенно опрятно. Въ швейной—электрическое освѣщеніе. Работающія въ швейной сидятъ за общими столами; разговоры, не относящіеся непосредственно къ работѣ, воспрещены, но, въ виду большого количества работающихъ и незначительнаго числа надсмотрщицъ, при желаніи, конечно, легко переговариваться между собою. Начинаются работы послѣ утренняго завтрака и заканчиваются послѣ 5 ч. дня съ перерывомъ во

время обѣда, для котораго заключенныя возвращаются въ свои камеры.

Каждой заключенной разрѣшена ежедневная прогулка въ теченіе часа; для прогулокъ устроена во дворѣ дорожка изъ асфальта, по которой заключенныя ходятъ вокругъ двора; разговоры во время прогулокъ воспрещены. Свиданія заключенныхъ съ навѣщающими ихъ родственниками и знакомыми обставлены очень строго. Уголовнымъ преступникамъ свиданія разрѣшаются только въ случаѣ хорошаго ихъ поведенія, при чемъ первое свиданіе въ 20 минутъ дается черезъ 2 мѣсяца послѣ заключенія въ тюрьму; слѣдующія свиданія по получасу каждое даются черезъ каждыя 6 недѣль. Помѣщеніе для свиданій устроено слѣдующимъ образомъ: двѣ комнаты—одна для отбывающихъ наказаніе въ тюрьмѣ, другая для приходящихъ въ тюрьму на свиданія—раздѣлены коридоромъ шириною въ 3—4 шага, при чемъ обѣ комнаты отдѣлены отъ коридора плотными проволочными сѣтками. Тюремные служители, обязанные присутствовать при свиданіяхъ, размѣщены посреди коридора, а устроенныя въ коридорѣ сходящіяся и расходящіяся деревянныя створки направляютъ звукъ голосовъ переговаривающихся изъ-за проволочныхъ сѣтокъ такимъ образомъ, что ни одно сказанное слово не минуетъ слуха стоящихъ въ коридорѣ служителей.

Между заключенными, находящимися подъ слѣдствіемъ, и заключенными, отбывающими наказаніе по приговору, проведено рѣзкое различіе. Заключенныя

первой категоріи помѣщены въ совершенно отдѣльномъ корпусѣ; ихъ камеры устроены болѣе комфортабельно и въ каждой камерѣ имѣется хорошая, устроенная откидною кровать. Кромѣ того этимъ заключеннымъ предоставлено право пользованія особыми, хотя небольшими, но довольно комфортабельными комнатами на условіяхъ платы 2 шиллинговъ 6 пенсовъ въ недѣлю за комнату. Даже въ церкви для находящихся подъ слѣдствіемъ отведены особыя мѣста за деревянной съ отверстіями перегородкой, которая скрываетъ находящихся за перегородкой отъ остальныхъ посѣтителей церкви, давая вмѣстѣ съ тѣмъ возможность черезъ продѣланныя въ перегородкѣ отверстія слѣдить за совершающимся богослуженіемъ. Вообще на находящихся подъ слѣдствіемъ смотрятъ прежде всего какъ на людей, виновность которыхъ не доказана, поэтому всячески устраняютъ все, что можетъ набросить на нихъ хотя бы внѣшнюю тѣнь виновности; находящіеся подъ слѣдствіемъ совершенно изолированы отъ отбывающихъ наказаніе по приговору, и тюрьма является для нихъ ничѣмъ инымъ, какъ мѣстомъ временнаго заключенія. Въ этомъ замѣтно проглядываютъ присущія англичанамъ чувства справедливости и уваженія къ каждой отдѣльной человѣческой личности.

Нигдѣ жизнь не пестрѣетъ такъ ярко многообразіемъ своихъ оттѣнковъ, какъ въ чудовищныхъ нѣдрахъ столичныхъ городовъ. Особенно характернымъ въ этомъ отношеніи является Лондонъ: въ его безчисленныхъ кварталахъ, то аристократичныхъ и богатыхъ, то грязныхъ и населенныхъ нищетою, жизнь кажется разложенной на всѣ свои составныя части: яркіе цвѣта ея спектра съ постепенными переходами отъ одного оттѣнка къ другому незамѣтно сливаются между собою, и самыя рѣзкія противоположности, вытекая одна изъ другой, кажутся неразрывно связанными въ одно цѣлое, точно сплетенные стебли пестрѣющаго цвѣтами вѣнка.

Страшно думать, что, при современномъ соціальномъ неравенствѣ людей и существующемъ капиталистическомъ строѣ, благосостояніе меньшинства опирается на бездонную трясину страданій и лишеній обездоленныхъ классовъ, но еще страшнѣе видѣть, какъ бокъ-о-бокъ съ пресыщенностью и самой утонченной роскошью уживаются голодъ, грязь и самая отвратительная нищета.

Однимъ изъ яркихъ образчиковъ людскихъ горя и нищеты можетъ служить лондонскій Истъ-Эндъ, гдѣ ютится выброшенная за бортъ жизни темная оборванная бѣднота. Въ сопровожденіи одной изъ членовъ арміи спасенія мнѣ удалось обойти нѣсколько трущобъ Истъ-Энда. Наиболѣе бѣдными кварталами считаются Уайтчапель и Хэкней (Hackney); эти кварталы населены преимущественно безработными, т.-е. людь-

ми вѣчно голодными и перебивающимися кое-какъ случайно выпадающимъ на нихъ долю скуднымъ заработкомъ.

Симпатичная капитанъ П. [1]), сопровождая меня въ трущобахъ, разсказывала мнѣ о дѣятельности Арміи Спасенія. Члены Арміи Спасенія, живя среди обитателей трущобъ, стараются всѣми возможными средствами оказывать посильную помощь несчастнымъ, погибающимъ въ пучинѣ бѣдности и разврата. Арміей Спасенія основано множество пріютовъ, мастерскихъ, справочныхъ конторъ для прінсканія бѣднякамъ заработка и т. п. Обширная программа, намѣченная Арміей Спасенія,—программа, въ основу которой положены самыя широкія начала мѣстной помощи обездоленнымъ, организація колоній для эмиграціи безработныхъ и т. п. выполнена только отчасти; но незамѣтно терпѣливыми руками вкладывается камень за камнемъ въ кропотливо воздвигаемое зданіе матеріальной и нравственной помощи обездоленнымъ—зданіе, заложенное на крѣпкомъ фундаментѣ безкорыстной и всепрощающей любви къ людямъ.

— Ваша работа трудная,—сказала я П.

— Да, но это дивная работа (beautiful work)!—восторженно воскликнула П., и темные глаза ея засвѣтились мягкимъ лучистымъ блескомъ.

Мы бродили по грязнымъ улицамъ Хэкней. Въ

[1]) Члены арміи спасенія—какъ мужчины, такъ и женщины—носятъ различныя званія, присущія арміи.

квартиры бѣдняковъ приходилось подниматься по узкимъ полутемнымъ лѣстницамъ съ крутыми ступеньками. Бѣдняки встрѣчали П. привѣтливо: повидимому она пользовалась среди нихъ популярностью и любовью.

Одна безотрадная картина смѣнялась другой.

Вотъ убогая квартира въ 3 комнаты, снимаемая за 9 шиллинговъ въ недѣлю; въ 2-хъ комнатахъ помѣщается вдова съ 6 дѣтьми; третья комната отдается внаймы одной бѣдной женщинѣ за $^1/_2$ кроны въ недѣлю. Дѣти грязные и оборванные; за неимѣніемъ башмаковъ не могутъ ходить въ школу. Старшая дочь зарабатываетъ гроши шитьемъ. На всемъ печать страшной нищеты...

Вотъ еще квартира въ 2 комнаты, оплачиваемая $5^1/_2$ шил. въ недѣлю. Комнаты страшно грязныя. На ничѣмъ непокрытомъ столѣ въ первой комнатѣ стоятъ грязныя тарелки съ объѣдками. За столомъ сидитъ мужчина лѣтъ 40 съ блѣднымъ изможденнымъ лицомъ. Его жена за другимъ столомъ быстро вставляетъ въ черные чехольчики изъ матеріи кости для лифовъ и закрѣпляетъ ихъ желтымъ шелкомъ.

— Работы нѣтъ,—отвѣчаетъ блѣдный мужчина на разспросы П.—Вотъ ужъ нѣсколько дней я тщетно ищу работы... Столько желающихъ работать—больше чѣмъ нужно...

— Вамъ слѣдовало бы поѣхать въ Америку,—замѣтила П.;—вотъ N. уѣхали... У всякаго бываютъ тяжелыя минуты въ жизни, но придутъ и лучшія времена...

Я подошла къ работавшей женщинѣ и стала разспрашивать ее объ условіяхъ ея работы и о ея заработкѣ.

По опухшимъ щекамъ женщины текли слезы.

— Я буду плакать,—всхлипнула она.

И, быстро вшивая одну кость за другой, она разсказала, что, работая съ утра до вечера, она съ трудомъ вырабатываетъ 18 пенсовъ въ день.

— И на это приходится жить,—добавила она.

— У васъ есть дѣти?

— Двое. Дѣти въ школѣ.

Я положила нѣсколько монетъ на столъ.

— Мнѣ жаль, что я не увижу вашихъ дѣтей; будьте добры, купите какихъ нибудь гостинцевъ и передайте ихъ вашимъ дѣтямъ отъ меня.

Радостная улыбка скользнула по губамъ женщины. Лицо сидѣвшаго за столомъ безработнаго выражало тупое безнадежное отчаяніе...

«Какое тяжелое душевное состояніе,—невольно подумала я, вглядываясь въ это застывшее тупое выраженіе скорби,—цѣлый день быть безъ дѣла и къ тому же испытывать еще гнетъ мучительнаго сознанія, что живешь на гроши жены, зарабатываемые такимъ тяжелымъ трудомъ».

Еще квартира въ 2 комнаты, оплачиваемая $5^1/_2$ ш. въ недѣлю. Грязь и убожество въ комнатахъ невообразимыя. Въ первой комнатѣ насъ встрѣтила блѣдная худая женщина съ груднымъ ребенкомъ на рукахъ. Во второй комнатѣ, наполовину занятой боль-

шой деревянной кроватью, за станкомъ съ красной шелковой матеріей работалъ мужъ блѣдной женщины. Заработокъ его грошовый. Жена, обремененная семьей въ 7 человѣкъ дѣтей и къ тому же больная, безсильна что-либо зарабатывать...

П. провела меня еще къ одной 82-лѣтней старухѣ. Старуха работать не можетъ. Весь доходъ ея равенъ 10 шиллингамъ въ мѣсяцъ, и на это она должна жить. Старуха снимаетъ крошечную комнатку, за которую платитъ 18 пенсовъ въ недѣлю. На жизнь у нея остается всего 1 шиллингъ въ недѣлю. Свою убогую комнату старуха содержитъ очень опрятно и чисто.

— Какъ ваше здоровье?—спросила П. старуху.

— Недурно, благодарю васъ.

— Вы выходили сегодня?

— Нѣтъ, я рѣдко выхожу.

— Кто же покупаетъ вамъ необходимое?

— Много мнѣ нужно покупокъ!—разсмѣялась старуха...

Во всемъ ея обликѣ было что-то добродушное, и она не казалась удрученной.

П. сунула старухѣ монету. Прощаясь, я также зажала ей въ руку $^1/_2$ кроны. Старуха вдругъ заплакала.

— Я богата!—воскликнула она.—Ничего, ничего, что я плачу,—бормотала она,—это слезы радости...

Мы зашли въ больницу навѣстить одну умирающую женщину, и затѣмъ П. провела меня въ пріютъ для бѣдныхъ, устроенный Арміей Спасенія.

Пріютъ устроенъ очень скромно. Дневнымъ помѣщеніемъ служитъ залъ—довольно большая комната съ нѣсколькими рядами скамей. Въ этой комнатѣ женщины или работаютъ или просто бесѣдуютъ между собою. Членами Арміи Спасенія устраиваются иногда собранія, на которыхъ читаются молитвы и произносятся рѣчи, основною цѣлью которыхъ является желаніе оказывать нравственное воздѣйствіе на живущихъ въ пріютѣ.

Въ пріютѣ имѣется дешевый буфетъ, гдѣ можно получать необходимую пищу. Кружка чая стоитъ $^1/_2$ пенса; хлѣбъ съ масломъ также $^1/_2$ пенса и т. п.

За ночлегъ взымается 2 пенса съ человѣка. Спальня въ пріютѣ огромная. Постелей нѣтъ: ихъ замѣняютъ разставленныя на полу койки, имѣющія форму продолговатыхъ ящиковъ. Матрацы и клеенчатыя одѣяла содержатся чисто. Койки разставлены очень близко одна отъ другой, и въ большой спальнѣ пріюта помѣщаются иногда около 170 человѣкъ. Всѣ койки номерованныя, и постоянныя посѣтительницы пріюта пользуются правомъ спать въ опредѣленныхъ, ими облюбованныхъ койкахъ. Многія посѣтительницы пріюта живутъ въ немъ мѣсяцами, а, по словамъ П., одна старуха прожила въ пріютѣ $2^1/_2$ года, ревниво оберегая отъ другихъ свой «номерованный уголъ».

Какой ужасъ... нищета!

Миссисъ Б. переѣхала къ себѣ, и я была у нея на новосельѣ.

У миссисъ Б. прехорошенькая квартира, расположенная вся въ одномъ этажѣ. По большей части лондонскія квартиры устроены иначе, и комнаты каждой отдѣльной квартиры разбросаны обыкновенно въ нѣсколькихъ этажахъ. Лондонъ изобилуетъ небольшими домами—узкими и высокими, которые, плотно соприкасаясь другъ съ другомъ, даютъ иллюзію большихъ построекъ. Эти маленькіе дома заняты каждый одной отдѣльной квартирой. Большинство застроенныхъ домами земельныхъ участковъ не составляетъ частной собственности лондонскихъ домовладѣльцевъ; послѣдніе чаще всего имѣютъ возможность владѣть землей только на условіяхъ долгосрочной аренды. Отсутствіемъ права собственности на землю объясняется отчасти незатѣйливость фасадовъ лондонскихъ домовъ и простота ихъ внутренней отдѣлки; послѣдняя, впрочемъ, искусно маскируется красивымъ убранствомъ комнатъ, обиліемъ ковровъ, зеркалъ и т. п.

Квартира миссисъ Б., которую я видѣла раньше въ неотдѣланномъ видѣ, краснорѣчиво говорила о томъ, что миссисъ Б. не пожалѣла на ея убранство ни трудовъ, ни денегъ.

Мои похвалы по адресу комфортабельно устроеннаго, уютнаго, элегантнаго «home» доставили миссисъ Б. видимое удовольствіе. Но она тутъ же замѣтила:

— О, мнѣ теперь все это такъ безразлично: я буду чувствовать себя здѣсь ужасно одинокой...

И миссисъ Б. заговорила о покойномъ мужѣ. Она была такъ счастлива замужемъ... Мужъ баловалъ ее, исполнялъ всѣ ея прихоти... она такъ много путешествовала съ мужемъ: они были вмѣстѣ въ Индіи, въ Канадѣ, въ Австраліи...

— Вы были въ Австраліи?—заинтересовалась я.

— Да.

— И долго тамъ прожили?

— Два мѣсяца.

Я стала разспрашивать объ Австраліи и о тамошней жизни. Но «австралійскія впечатлѣнія» миссисъ Б. сводились исключительно къ воспоминаніямъ объ отеляхъ, о нѣкоторыхъ экскурсіяхъ и о личныхъ развлеченіяхъ...

— Надо еще разъ выйти замужъ за человѣка съ положеніемъ и средствами: тогда я снова буду путешествовать,—неожиданно закончила миссисъ Б. свое повѣствованіе объ Австраліи.

— Хотите я посватаю вамъ русскаго графа?—пошутила я.

— А этотъ графъ богатъ?

— Нѣтъ.

— О, тогда можете не безпокоить вашего графа,—весело расхохоталась миссисъ Б.,—мнѣ нужны прежде всего деньги, деньги и деньги...

— На что вамъ деньги? вы и такъ состоятельная женщина...

— На что деньги?—съ оживленіемъ воскликнула миссисъ Б.—Да вѣдь деньги даютъ въ жизни все,

рѣшительно все. Часть денегъ я давала бы дочери...

— Вѣдь ваша дочь замужемъ за богатымъ человѣкомъ...

— Все равно! лишнія деньги никогда не мѣшаютъ.

Миссисъ Б. достала изъ стола фотографію краснваго замка.

— Посмотрите, вотъ домъ моей дочери; правда, красиво? Я скоро уѣду къ дочери въ Шотландію. Вы знаете, въ іюлѣ бываютъ въ Лондонѣ страшныя жары; здѣсь скоро совсѣмъ немыслимо будетъ жить...

— Мнѣ тоже хотѣлось бы уѣхать изъ Лондона куда-нибудь въ деревню,—замѣтила я.

— Хотите я вамъ это устрою?—воскликнула миссисъ Б.

— Какимъ образомъ?

— Видите ли, у меня есть кузина, нѣкая миссисъ N. Она вдова адмирала и живетъ съ семьей въ своемъ имѣніи въ Hampshire (хэмпшэйръ). Кузина моя небогатая, и по моей рекомендаціи она, вѣроятно, согласится принять васъ въ свой домъ въ качествѣ «платной гостьи» (paying guest), т.-е. вы будете пользоваться въ ея домѣ всѣми правами гостьи, но только будете платить за комнату и содержаніе. Если вамъ это подходитъ, я напишу кузинѣ.

Я поблагодарила миссисъ Б., и мы условились, въ случаѣ благопріятнаго отвѣта отъ миссисъ N., назначить мой отъѣздъ въ Хэмпшэйръ на 15 іюля.

o

II.

Англійская деревня.

Іюль 19 . . г.

Наконецъ я въ деревнѣ!

Послѣ шумнаго и душнаго Лондона отъ тѣнистыхъ деревьевъ и зеленѣющихъ полей и газоновъ вѣетъ мирной тишиной и прохладой.

Англійская деревня—по крайней мѣрѣ въ Хэмпшейрѣ (Hampshire)—очень красива, но въ ней мало простоты и идилличности: большинство полей и лѣсовъ огорожено; великолѣпныя шоссированныя дороги какъ-то слишкомъ ужъ искусственно прямолинейны, и по нѣкоторымъ изъ нихъ пробѣгаютъ электрическіе трамваи; вся природа, закованная въ тѣсную броню культуры, кажется точно созданной по вкусу и прихоти человѣка и лишенной своей первобытной прелести.

Та же искусственность проглядываетъ и во внѣшности поселянъ-земледѣльцевъ; всѣ они носятъ платье городского покроя, а поселянки щеголяютъ въ шляпахъ и модныхъ блузкахъ, невыгодно подчер-

кивающихъ грубоватую простоватость ихъ фигуръ и неинтеллигентность ихъ лицъ.

Усадьба N., гдѣ я живу, расположена въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ проѣзжихъ дорогъ, и это придаетъ ей особенную прелесть. Большой домъ въ усадьбѣ свидѣтельствуетъ о прежнемъ благосостояніи, но весь характеръ жизни N. носитъ слѣды стѣсненнаго матеріальнаго положенія. Строй жизни тотъ же, что и въ Лондонѣ: тѣ же утренній и дневной завтраки, чай, «поздніе обѣды», тѣ же переодѣванія къ обѣду, но все просто и скромно.

Семья N. состоитъ изъ матери-вдовы и трехъ взрослыхъ дѣтей; сынъ готовится къ экзамену, требуемому для поступленія въ армію; барышни ничего не дѣлаютъ, ничѣмъ кромѣ спортовъ не интересуются и поражаютъ своими неразвитіемъ и неинтеллигентностью.

Довольно часто къ N. заглядываютъ знакомые, по большей части сосѣди-помѣщики или морскіе офицеры изъ находящихся по близости отъ имѣнія N. морскихъ бараковъ Портсмута. Дни уходятъ или на состязанія въ игры—по преимуществу въ теннисъ—въ одномъ изъ многочисленныхъ клубовъ спорта, или на пріемы и посѣщенія знакомыхъ. По воскресеньямъ вся семья обыкновенно отправляется въ церковь...

Образованный и симпатичный сельскій священникъ мистеръ Гринъ, узнавъ, что я интересуюсь жизнью и бытомъ англійскихъ фермеровъ-земледѣльцевъ, любезно предложилъ показать мнѣ сельскую школу и нѣсколько коттэджей своихъ прихожанъ.

Въ условленный день я поѣхала въ школу. Мистеръ Гринъ встрѣтилъ меня очень привѣтливо. Онъ показалъ мнѣ всѣ классы въ школѣ, также отдѣленіе для малолѣтнихъ дѣтей 3—4-лѣтняго возраста.

Устройство школы произвело на меня въ высшей степени отрадное впечатлѣніе: свѣтлые и просторные классы содержатся необыкновенно чисто, а видъ здоровыхъ, умытыхъ, хорошо одѣтыхъ дѣтей невольно заставилъ меня съ грустью подумать о нашемъ бѣдномъ русскомъ крестьянствѣ.

Дѣти казались очень заинтересованными моимъ появленіемъ. Входя въ тотъ или иной классъ, священникъ каждый разъ обращался къ дѣтямъ со словами:

— Я привелъ къ вамъ лэди, которая пріѣхала изъ Россіи и хочетъ видѣть хорошихъ дѣтей. Пусть поднимутъ руки хорошія дѣти!

Руки всѣхъ быстро поднимались, и десятки глазъ съ любопытствомъ останавливались на мнѣ.

— Теперь опустите руки,—командовалъ священникъ.—Пусть поднимутъ руки дурныя дѣти!

Ни одна рука не поднималась.

— Тутъ все хорошія дѣти,—шутилъ священникъ, обращаясь ко мнѣ и ласково трепля дѣтей по щекамъ.

Дѣти радостно улыбались, и въ отношеніи священника къ дѣтямъ проглядывала неподдѣльная отеческая заботливость.

Мистеръ Гринъ разспрашивалъ меня о русскихъ школахъ, разсказывая въ свою очередь объ англійскихъ.

Въ Англіи школа имѣется въ каждой деревнѣ. Несмотря на то, что много коттэджей стоятъ хуторами совершенно отдѣльно отъ деревень, разстояніе отъ самаго отдаленнаго коттэджа до школы никогда не превышаетъ 2-хъ миль [1]). Большинство дѣтей имѣютъ возможность возвращаться къ обѣду или завтраку домой и затѣмъ снова идти въ школу, гдѣ занятія продолжаются до 3—4-хъ часовъ дня. Въ школахъ дѣти остаются обыкновенно до 13—14-тилѣтняго возраста; на этомъ ихъ образованіе часто кончается.

Въ англійскихъ школахъ устраиваются нѣсколько разъ въ году такъ называемые скультриты (school-treat) или школьные праздники. Одинъ изъ такихъ праздниковъ, съ разрѣшенія N., былъ устроенъ въ ихъ имѣніи.

Въ назначенный день часамъ къ 3-мъ дня мистеръ Гринъ и толпы дѣтей всѣхъ возрастовъ собрались въ усадьбѣ N. Заранѣе были доставлены къ N. съѣстные припасы и разнаго рода угощеніе. Дѣти весело размѣстились на газонѣ; имъ были розданы кружки съ чаемъ и молокомъ, хлѣбъ съ масломъ, варенье, медъ, конфеты. Вся семья N. принимала дѣятельное участіе въ угощеніи дѣтей, разнося имъ чай и сладости. Послѣ чая были организованы разнаго рода игры; дѣти разбились по возрастамъ на группы, а мы, переходя отъ одной группы къ другой, бѣгали и рѣзвились съ дѣтьми, какъ маленькіе. Во время устро-

---

[1]) Англійская миля=$1\frac{1}{2}$ верст.

еннаго для отдыха перерыва добродушный мистеръ Гринъ собралъ дѣтей вокругъ себя и приступилъ къ раздачѣ разложенныхъ на большомъ столѣ наградъ и подарковъ: выкликались имена и подходившему ребенку вручались или книга, или альбомъ съ рисунками и т. п. Послѣ раздачи наградъ игры возобновились и продолжались до вечера. Наконецъ мистеръ Гринъ подалъ знакъ къ окончанію «праздника». Дѣти группами стали расходиться по домамъ, и долго еще среди яркой зелени, освѣщенной косыми лучами заходящаго солнца, мелькали ихъ пестрыя платьица и курточки, а въ тишинѣ вечерняго воздуха дрожали переливы ихъ молодыхъ голосовъ, полныхъ радостнаго возбужденія и безыскуственнаго веселья.

о

Я осмотрѣла нѣсколько коттэджей въ приходѣ мистера Грина.

Коттэджи какъ состоятельныхъ, такъ и болѣе бѣдныхъ земледѣльцевъ (labourers) устроены всѣ по одному типу. Внизу помѣщается пріемная- она же и столовая. Отдѣльныхъ кухонь, за рѣдкими исключеніями, въ коттэджахъ нѣтъ, поэтому въ каждой пріемной имѣется каминъ, гдѣ разводится огонь для приготовленія пищи. Обставлены пріемныя очень уютно: въ каждой пріемной много мягкой мебели; на стѣнѣ—картины; на столикахъ—книги, цвѣты, фотографіи; полы по большей части устланы коврами

или клеенками, а на окнахъ красуются хорошенькія занавѣски. Спальни—двѣ или три, смотря по количеству членовъ семьи, помѣщаются обыкновенно наверху. Въ спальняхъ—хорошія кровати; умывальники съ тазами, кувшинами, мыльницами, зубными и ногтяными щетками; туалетные столики съ зеркалами, щетками и гребенками; столы, стулья, комоды,—однимъ словомъ, комфортъ полный. Одѣты поселяне хорошо; въ разговорахъ и манерѣ себя держать нѣтъ ни раболѣпства, ни приниженности; всѣ сознаютъ себя людьми и уважаютъ въ себѣ свое человѣческое достоинство. Во внутреннемъ строѣ жизни чувствуются достатокъ и довольство; работой, повидимому, никто не отягченъ; полевыя работы выполняются мужчинами; на обязанности же большинства женщинъ лежатъ почти исключительно заботы о дѣтяхъ и о домашнемъ хозяйствѣ.

Много разъ въ параллеляхъ, проводимыхъ между жизнью низшихъ классовъ въ Россіи и Англіи, мнѣ приходилось слышать мнѣніе, что положеніе русскихъ крестьянъ благопріятно потому, что они являются собственниками своихъ избъ и земельныхъ участковъ. Я нисколько не оспариваю того, что англійскій «безземельный» народъ поставленъ во многихъ отношеніяхъ въ крайне невыгодныя условія для борьбы съ эксплоатирующими его земельными собственниками и капиталистами, выжимающими у голодныхъ пролетаріевъ на тяжелыхъ фабричныхъ промыслахъ не только рабскій трудъ, но и здоровье; но все же ду-

маю, что существующее въ реальной дѣйствительности довольство большинства англійскихъ земледѣльцевъ и рабочихъ завиднѣе хроническихъ голодовокъ русскаго крестьянства, и что не лишенное человѣческихъ требованій и духовныхъ запросовъ существованіе низшихъ классовъ въ Англіи неизмѣримо счастливѣе полускотскаго прозябанія нашего тонущаго въ нищетѣ и порой въ самомъ грубомъ невѣжествѣ многострадальнаго русскаго народа.

Я ежедневно дѣлаю съ старшей дочерью миссисъ N. длинныя прогуки пѣшкомъ или въ экипажѣ.

Мѣстность въ Хэмпшейръ холмистая и очень живописная: всюду много лѣсовъ, и среди зелени красиво разбросаны фермы, хутора и деревушки.

Иногда мы забираемся довольно далеко и, постучавшись въ какой нибудь коттэджъ, просимъ приготовить намъ что нибудь поѣсть; и домовитыя хозяйки за скромную плату даютъ намъ импровизированный завтракъ: кофе, хлѣбъ, масло, мясо, зелень, — все вкусно приготовленное и хорошо сервированное на покрытомъ бѣлой скатертью столикѣ.

N. часто получаютъ приглашенія, и я почти всюду бываю съ ними. Мы ѣздили всѣ на празднество, устроенное морскими офицерами въ баракахъ Портсмута.

Моряки обставили свой праздникъ очень красиво.

Въ раскинутыхъ около бараковъ шатрахъ были сервированы чай, клубника, мороженое и разныя сладости, а на открытыхъ площадкахъ происходили неизмѣнныя состязанія въ спорты и затѣйливо организованныя игры, въ которыхъ болѣе ловкимъ участникамъ выдавались призы. Я воспользовалась также приглашеніемъ на пикникъ, устроенный моряками въ Шэнклинъ на островѣ Уайтъ (Wight). Мнѣ очень понравились и островъ Уайтъ, славящійся своей красотой, и идущая отъ имѣнія N. къ Портсмуту дорога, извивающаяся по холмамъ, съ которыхъ открываются великолѣпные виды на море. Самъ Портсмутъ распадается на нѣсколько обособленныхъ частей съ разными наименованіями (Portsmouth, Portsea, Southsea и Landport); въ Портсмутѣ интересны портъ и великолѣпные доки. Въ докахъ многія суда строятся, другія исправляются послѣ плаваній, и ежедневно въ докахъ работаютъ до 8,000 человѣкъ. Морской офицеръ, показывавшій мнѣ доки, провелъ меня на броненосецъ «Рэвэнджъ» (Revenge) [1]. Наименованіе «Рэвэнджъ»—одно изъ самыхъ славныхъ наименованій въ англійскомъ флотѣ. Память о подвигѣ англійскаго судна «Рэвэнджъ», потопившаго семь испанскихъ судовъ [2], живетъ въ англійскомъ флотѣ, и наименованіе «Рэвэнджъ» дается всегда одному изъ лучшихъ судовъ флота. Если почему либо это судно

---

1) Revenge въ переводѣ значитъ: мщеніе.

2) Этотъ подвигъ воспѣтъ Теннисономъ въ его балладѣ Revenge.

перестаетъ существовать, наименованіе «Рэвэнджъ» переносится на другое судно. Огромный броненосецъ «Рэвэнджъ» въ 14,000 тоннъ произвелъ на меня впечатлѣніе лабиринта; мой спутникъ, забавляясь, повидимому, моимъ желаніемъ все видѣть, показалъ мнѣ машинное отдѣленіе и орудія.

Орудія и машины для судовъ дѣлаются въ Англіи; при докахъ имѣются арсеналъ и огромные склады. Видъ доковъ съ множествомъ стоящихъ въ нихъ броненосцевъ, крейсеровъ, развѣдочныхъ судовъ и миноносцевъ очень внушителенъ; въ докахъ невольно и непосредственно ощущается грозная боевая сила англійскаго флота, а на организаціи производимыхъ въ докахъ работъ лежитъ печать необыкновеннаго благоустройства—печать рѣзко характерная для англичанъ и для ихъ могущественнаго и богатаго отечества.

———o———

С., узнавъ о моемъ желаніи побывать въ Ирландіи, привезъ мнѣ отъ своей матери письмо съ очень любезнымъ приглашеніемъ заѣхать въ имѣніе С., находящееся въ Ирландіи въ графствѣ Кингъ (King's County). Передъ отъѣздомъ въ Ирландію я воспользовалась приглашеніемъ лэди Р. побывать у нея въ Уоргрэвъ (Wargrave) на Темзѣ и посмотрѣть на англійскую жизнь «на рѣкѣ».

Жизнь англичанъ «на Темзѣ» показалась мнѣ необыкновенно оригинальной. Англичане селятся «на

Темзѣ» въ прибрежныхъ коттэджахъ и виллахъ или же въ разбитыхъ по берегамъ рѣки палаткахъ; болѣе состоятельные живутъ на самой рѣкѣ въ такъ называемыхъ «housеboats», которые представляютъ изъ себя построенные на плотахъ двухъэтажные пловучіе дома, окрашенные въ бѣлый цвѣтъ и по внѣшнему виду напоминающіе наши волжскіе пароходы. Жилыя комнаты каждаго пловучаго дома помѣщаются въ нижнемъ этажѣ; верхній этажъ представляетъ изъ себя роскошно убранную цвѣтами крытую палубу. Пловучіе дома устанавливаются на рѣкѣ вдоль береговъ и, по желанію, могутъ быть перемѣщаемы съ мѣста на мѣсто.

Особенно красива бываетъ Темза по воскресеньямъ, когда пользующіеся праздничнымъ отдыхомъ англичане кэйфуютъ цѣлый день въ лодкахъ. Темза бываетъ буквально усѣяна медленно плавающими взадъ и впередъ по рѣкѣ лодками, въ которыхъ сидятъ или лежатъ на мягкихъ коврахъ и подушкахъ англичане и англичанки; цѣлое море элегантныхъ дамскихъ туалетовъ и шляпъ пестрѣетъ надъ рѣкою; мужчины, одѣтые просто, по-спортсмэнски—ловкіе, здоровые, цвѣтущіе, красивы не менѣе женщинъ. «Плаваніе» начинается по воскресеньямъ съ утра. Завтракаютъ или въ лодкахъ, или въ одномъ изъ прибрежныхъ отелей; чай пьютъ по большей части въ лодкахъ. Совсѣмъ близко отъ Уоргрэвъ есть небольшой живописный островокъ на Темзѣ; въ опредѣленный часъ множество лодокъ пристаютъ къ этому острову, и

подъ сѣнью деревьевъ въ лодкахъ весело кипятъ небольшіе котелки и чайники. Англичане пьютъ чай, кушаютъ свои вкусные «кэксы», хлѣбъ съ масломъ и т. п., затѣмъ провизія и посуда убираются въ корзинки и снова начинается плаваніе. Какой-то необыкновенный покой охватываетъ душу отъ непрерывнаго медленнаго движенія по рѣкѣ; и своеобразный видъ Темзы съ медленно плавающими взадъ и впередъ лодками и элегантной толпой катающихся довершаетъ радостное впечатлѣніе красиваго и оригинальнаго деревенскаго отдыха.

III.

Уэльсъ и Ирландія.

Сѣверный Уэльсъ, изрѣзанный горами и живописными долинами съ многочисленными озерами, славится своей красотой и посѣщается множествомъ туристовъ. Въ предѣлы сѣвернаго Уэльса входитъ высочайшая гора Англіи—Снодонъ [1]) (Snowdon). По морскому побережью разбросаны многочисленные купальные курорты, привлекающіе много посѣтителей своимъ мягкимъ климатомъ и хорошимъ купаньемъ.

Лэндудно (Llandudno), гдѣ я остановилась проѣздомъ въ Ирландію,—небольшой городокъ съ $9^1/_2$ т. жителей —красиво лежитъ въ долинѣ на узкомъ полуостровѣ между бухтами Конуэй и Ормъ и является однимъ изъ наиболѣе фешенебельныхъ курортовъ Уэльса. Съ двухъ сторонъ Лэндудно обрамлено почти отвѣсными скалами «Грэтъ Ормсъ Хэдъ» и «Литтль Ормсъ Хэдъ»; позади Лэндудно красиво толпятся покрытые зеленью холмы и горы.

---

[1]) 1085 метровъ.

Съ вершины «Грэтъ Ормсъ Хэдъ» открывается великолѣпный видъ, и на далекомъ разстояніи можно прослѣдить въ натуральномъ масштабѣ намѣченныя на картѣ очертанія полуострова. Вокругъ «Грэтъ Ормсъ Хэдъ» идетъ высѣченная въ скалахъ дорога, съ которой открываются красивыя панорамы на море, на горы, на замокъ Конуэй, на островъ Пуффинъ и на очертанія берега отъ Конуэй до Бангоръ.

На вершинѣ Грэтъ-Ормсъ-Хэдъ пріютилась крошечная церковь св. Тöдно. Церковь была основана св. Тöдно въ VII в., но сохранившаяся постройка относится къ XII в. Въ церкви св. Тöдно совершаются по воскресеньямъ богослуженія при огромномъ стеченіи народа.

Когда я подошла къ церкви, богослуженіе кончалось. Оригинально было видѣть около церкви огромную толпу съ молитвенниками, разложенными на надгробныхъ плитахъ; и было безконечно много красоты въ этомъ богослуженіи подъ открытымъ небомъ около крошечной церкви, пріютившейся на скалѣ у моря.

Я прошла въ церковь. Въ алтарѣ на мраморной доскѣ было написано имя Harry Van Wart, утонувшаго 34-хъ лѣтъ въ бухтѣ около этой скалы. На той же доскѣ внизу было выгравировано четверостишіе:

The storm that wrecks the winter sky
No more disturbs his deep repose
Than summer evening's latest sigh
That shuts the rose...

И что-то глубоко поэтичное было въ этой надписи, во всемъ видѣ крошечной церкви, залитой лучами солнца, обвѣянной ласковымъ дыханіемъ моря...

Въ купальный сезонъ Лэндудно бываетъ переполнено посѣтителями: красивыя окрестности, хорошій климатъ, великолѣпный пляжъ и удобное положеніе для разнаго рода экскурсій привлекаютъ въ Лэндудно до 20,000 пріѣзжихъ. Экскурсіи прекрасно организованы отелями. Одной изъ наиболѣе интересныхъ экскурсій является 8-мичасовой круговой объѣздъ въ экипажѣ горы Снодонъ. Отъ Карнавонъ до Пэн-и-Гридъ (970 футовъ) идетъ все время подъемъ, и мѣстами открываются великолѣпные виды на горныя лощины, озера и водопады. Очень красивы ущелья Абергласлинъ и Лэнберисъ. Оригинальна «Голова Питта»—высѣченный природой въ круглой каменной глыбѣ профиль Питта. Но во время моей поѣздки вокругъ Снодона весь видъ горной панорамы былъ испорченъ сѣрымъ тономъ ненастной погоды и низко ползущими густыми хлопьями облаковъ.

Августъ . . 19 г.

Ирландія... «Зеленый островъ»!..

Быстро мчится поѣздъ... Въ окнахъ вагона мелькаетъ яркая зелень луговъ, настолько яркая, что она кажется влажной и сочной, точно зелень топей или болотъ.

Я съ любопытствомъ вглядываюсь въ развертывающіеся передо мною ландшафты: мѣстность плоская,

ровная, однообразная; кое-гдѣ разбросаны отдѣльно стоящіе домики... и вокругъ—картинно-яркій коверъ зелени, окутанный теплымъ колоритомъ медленно сгущающихся сумерокъ...

Небо чисто и прозрачно. Мягкія краски природы и гаснущихъ отблесковъ вечерней зари придаютъ Ирландіи отпечатокъ чего-то идиллично-радостнаго. «Зеленый островъ» встрѣчаетъ меня улыбкой и какъ будто говоритъ: «посмотри, какъ во мнѣ много простоты и прелести».

Двѣ пересадки и, наконецъ, я на станціи F—ne, гдѣ, извѣщенный телеграммой о моемъ пріѣздѣ, меня ждалъ С.

Отъ станціи до усадьбы было всего минутъ 15—20 ѣзды. Мы ѣхали очень медленно, такъ какъ стемнѣло и съ трудомъ можно было различать дорогу.

Сквозь чащу деревьевъ замелькали огни, и сердце мое забилось болѣе учащенно. Оригинальное чувство испытываешь, когда подъѣзжаешь къ дому совершенно незнакомыхъ людей, съ которыми предстоитъ жить вмѣстѣ болѣе или менѣе долгое время. Невольно говоришь себѣ: вотъ сейчасъ увидишь этихъ людей—какіе они? каковъ строй ихъ жизни? ихъ привычки? ихъ вкусы? И заранѣе рисуешь себѣ этихъ людей такъ или иначе. Я представляла себѣ домъ С. богатымъ барскимъ домомъ. Сжившись съ привычками Лондона, я думала, что и С. живутъ на «англійскій ладъ»; и меня поразила съ перваго взгляда простота ихъ жизненнаго строя.

Хозяйка дома и ея двѣ дочери - неизящныя, скромно и просто одѣтыя—представляли рѣзкій контрасть съ англійскими лэди, въ пухъ и прахъ разряженными въ свои декольтированныя «вечеровыя платья».

Меня встрѣтили очень привѣтливо.

Старикъ С. засыпалъ меня вопросами:

— Какъ вы доѣхали? Я боялся, что съ пересадками вамъ не удастся добраться сегодня до нашей глуши. Вы храбрая... вы не боитесь путешествовать одна въ такой молодой возрастъ?

— О нѣтъ. Я съ дѣтства привыкла къ путешествіямъ...

Въ столовой былъ сервированъ ужинъ.

Разговоръ за ужиномъ принялъ вскорѣ самый непринужденный характеръ. Меня разспрашивали о Россіи, о моей семьѣ, о моихъ впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ мною изъ моего пребыванія въ Англіи.

Старикъ С. говорилъ больше всѣхъ. На его симпатичномъ, привѣтливомъ, открытомъ лицѣ лежала печать оживленія и удовольствія. Онъ часто смѣялся и пересыпалъ свою рѣчь шутливыми замѣчаніями. И снова мнѣ бросилась въ глаза разница между англичанами и ирландцами: англичане—сдержанные, скрытные, немного чопорные; ирландцы—экспансивные, непосредственные, очень разговорчивые, во многомъ до смѣшного напоминающіе русскихъ.

———o———

Дни бѣгутъ незамѣтно.

Строй жизни у С. простой.

Обычные утренній завтракъ въ $8^1/_2$ час., лёнчъ (lunch), чай, обѣдъ; вечеромъ—кофе.

Послѣ утренняго завтрака и вечерняго кофе читаются вслухъ молитвы. Отъ всего дома С. вѣетъ холодомъ: комнаты большія, свѣтлыя, но мебель громоздкая, неуклюжая; нѣтъ мягкости и гармоніи линій, нѣтъ уютности. Что-то мертвое виситъ надъ домомъ С. и надъ всей Ирландіей; нѣтъ жизни, нѣтъ радости; одинъ день какъ двѣ капли воды похожъ на другой; нѣтъ ни любви къ труду, ни интеллектуальныхъ интересовъ; на всемъ лежитъ печать мертваго застоя.

Даже природа Ирландіи скована однообразіемъ. Круглый годъ стоитъ «Зеленый Островъ» въ своемъ яркомъ уборѣ. Климатъ въ Ирландіи мягкій; снѣгъ—явленіе рѣдкое; безконечные дожди, масса влаги—вотъ обычная физіономія Ирландіи.

Меня всячески стараются развлекать въ деревенской глуши. Старикъ С. ведетъ со мной безконечныя бесѣды. Отвѣчая на мои разспросы, онъ много разсказываетъ мнѣ объ Ирландіи; иногда приноситъ изъ библіотеки книги или гравюры и показываетъ мнѣ виды Ирландіи, при чемъ со смѣхомъ добавляетъ, что все, что пишется объ Ирландіи, носитъ обыкновенно характеръ вымысла...

— Посмотрите на этотъ видъ—правда, красиво? Только я долженъ вамъ сказать, что все изображен-

ное здѣсь—вымыселъ... Ирландцы большіе фантазеры и любятъ искажать дѣйствительность... никогда не вѣрьте ирландцамъ,—смѣясь, добавляетъ онъ.

И наши разговоры принимаютъ шутливый оттѣнокъ. Мы споримъ, поддразниваемъ другъ друга... и наши оживленные болтовня и смѣхъ вливаютъ волну жизни и веселья въ угрюмыя комнаты стариннаго помѣщичьяго дома.

Время я провожу довольно подвижно: утромъ ежедневно катаюсь на маленькомъ пони; днемъ дѣлаю съ старшимъ сыномъ С. большія экскурсіи въ автомобилѣ.

Я люблю быстроту движенія, и поѣздки въ автомобилѣ доставляютъ мнѣ большое удовольствіе. Порой мчишься съ такой быстротой, что вѣтеръ свиститъ въ ушахъ: разсѣкаешь воздухъ, бросаешь дерзкій вызовъ пространству, летишь впередъ, точно на крыльяхъ, и, опьяняясь быстротой движенія, чувствуешь пріятный подъемъ нервовъ...

Но кромѣ быстроты движенія нечѣмъ особенно наслаждаться. Картины ирландской природы однообразны и унылы: плоскія и ровныя поля; разбросанныя тамъ и сямъ бѣлыя хижины съ соломенными крышами, похожія на наши малороссійскія «мазанки»; грязные, маленькіе, провинціальные городишки—вотъ приблизительно все, что видишь. Дороги шоссированы—хуже англійскихъ, но безъ сравненія лучше русскихъ,—обсажены по большей части кустами или деревьями и до приторности похожи одна на другую.

Рѣдко-рѣдко попадаются по пути прохожіе или проѣзжіе—чаще всего небольшія двухколесныя тележки, запряженныя осликами. Все вокругъ какъ-то мертво и уныло.

Иногда мы заѣзжаемъ въ спортсмэнскіе клубы или къ сосѣдямъ-лэндлордамъ.

Характеръ помѣщичьей жизни въ графствѣ Кингъ кажется мнѣ всюду болѣе или менѣе одинаковымъ. Устройство помѣщичьихъ домовъ по большей части очень простое. На строѣ жизни лежитъ печать лѣни и апатіи.

Въ нѣкоторыхъ семьяхъ чувствуется поразительная неинтеллигентность; дѣти растутъ безъ особеннаго призора; мальчиковъ посылаютъ въ школы: они потомъ поступаютъ въ университеты, въ армію, на службу... А дѣвочки—какъ онѣ воспитываются? Живутъ въ своихъ семьяхъ, ничего не дѣлаютъ, ничему не учатся...

Одной изъ наиболѣе интересныхъ экскурсій въ автомобилѣ была поѣздка въ Клонмакнойзъ (Clonmacnoise).

Остатки аббатства Клонмакнойзъ, извѣстныя подъ названіемъ «семи церквей», живописно возвышаются на холмѣ около рѣки Шаннонъ. Круглыя башни, развалины церквей, почернѣвшіе отъ времени каменныя плиты и могильные кресты съ какими-то непонятными грубо выгравированными рисунками и надписями свидѣтельствуютъ о глубокой старинѣ.

Клонмакнойзъ было раньше извѣстно подъ множе-

ствомъ другихъ названій (Cinani, Cluana, Clanensis, Dunkeranensis, Letheran, Killoon, Artibra); въ позднѣйшее время за этимъ мѣстомъ довольно прочно установилось наименованіе Клонмакнойзъ. Значеніе этого наименованія объясняется различно; чаще всего оно опредѣляется какъ «мѣсто отдохновенія сыновъ начальниковъ», потому что это мѣсто служило въ древнія времена кладбищемъ и мѣстомъ погребенія многихъ христіанскихъ королей Ирландіи.

Въ VI вѣкѣ одинъ изъ королей Ирландіи пожаловалъ Клонмакнойзъ святому Кирану (St. Kieran). Въ 548 г. св. Киранъ основалъ въ Клонмакнойзъ монастырь, первый камень котораго—по просьбѣ св. Кирана—былъ заложенъ руками короля. Св. Киранъ умеръ въ 549 г. и былъ погребенъ въ «Малой Церкви» (Little Church) въ Клонмакнойзъ. Впослѣдствіи этотъ монастырь пріобрѣлъ большую извѣстность.

Ученый Mr. Archdall заканчиваетъ свое описаніе Клонмакнойзъ слѣдующими словами:

«Этотъ монастырь, принадлежавшій монахамъ св. Августина, пользовался повсемѣстнымъ и исключительнымъ уваженіемъ. Владѣнія его были необыкновенно обширны и постоянно обогащались королевскими и княжескими дарами. Огромныя земельныя пространства, принадлежавшія монастырю, и большое количество подчиненныхъ Клонмакнойзъ монастырей установили мнѣніе, что почти половина Ирландіи входитъ въ предѣлы владѣній Клонмакнойзъ. Существовало повѣріе, что за всѣми людьми, похоронен-

ными на священной почвѣ Клонмакнойзъ, было обезпечено вѣрное и немедленное восхожденіе къ небу; много князей—вѣроятно, по этой причинѣ—выбирали Клонмакнойзъ мѣстомъ своего погребенія. Клонмакнойзъ было Іоной [1]) Ирландіи. Но, несмотря на прославленную святость монастыря и то уваженіе, которымъ онъ пользовался среди всѣхъ классовъ населенія, историческія свѣдѣнія указываютъ намъ на то, что монастырь неоднократно подвергался набѣгамъ, пожарамъ и опустошеніямъ. Грабителями являлись люди самыхъ разнообразныхъ классовъ—начиная съ голодныхъ шаекъ бродягъ и кончая королями».

Окончательному разрушенію аббатство Клонмакнойзъ подверглось послѣ введенія въ Ирландіи реформаціи: оно пало жертвой религіозныхъ распрей въ періодъ жестокихъ гоненій на католиковъ. Въ настоящее время въ Клонмакнойзъ сохранились двѣ круглыхъ башни (O'Kourke's and M. Carthy's Round Towers), остатки церквей, каменные плиты и кресты; большинство руинъ—остатки церквей X—XIV вв. Интересна—какъ образецъ старинной ирландской церковной архитектуры—довольно хорошо сохранившаяся «Церковь Монахинь». Въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ къ западу отъ кладбища видны развалины замка, или «дворца епископовъ».

1) Іона—островъ изъ группы Гебридскихъ острововъ въ Шотландіи. Въ средніе вѣка славился своимъ аббатствомъ, основаннымъ въ VI в. Св. Колумбомъ. Аббатство долго служило разсадникомъ учености на сѣверѣ и центромъ миссіонерской дѣятельности,

Кладбище почти сплошь покрыто покосившимися крестами и плитами, среди которыхъ выдѣляются два огромныхъ каменныхъ креста; одинъ изъ нихъ, такъ называемый «Большой Крестъ» (Great Cross или Cross of the Scriptures), сохранился съ X-го столѣтія.

Дождь, дождь, безконечный дождь...

Я прихожу въ отчаяніе отъ климата Ирландіи. Старикъ С. подсмѣивается надъ моимъ отчаяніемъ; я въ свою очередь дразню С. его прославляемой имъ родиной.

— Посмотрите, какъ ослѣпительно сверкаетъ солнце,—со смѣхомъ говоритъ С., глядя на сѣрое небо и нависшую надъ землей тонкую сѣть дождя.

— Dear sweet country,—тоже со смѣхомъ отвѣчаю я.

Но человѣку свойственно ко всему привыкать.

Въ Ирландіи привыкли къ дождю; его здѣсь какъ бы «игнорируютъ».

Несмотря на частые дожди, мы гуляемъ, катаемся... И моими лучшими друзьями въ Ирландіи кажутся мнѣ мой непромокаемый моторный плащъ и купленная мною въ Ирландіи необыкновенной толщины обувь.

Иногда небо проясняется и солнце затопляетъ всю природу ослѣпительнымъ блескомъ. Но черезъ 1/2 часа или часъ снова идетъ дождь.

Такова Ирландія.

Мы ѣздили въ автомобилѣ въ г. Бирръ. С. непремѣнно хотѣли показать мнѣ примыкающіе къ городу замокъ и паркъ лорда Росса.

Однимъ изъ лордовъ Россъ, умершимъ въ 1867 г., былъ сооруженъ гигантскій телескопъ (16 метр. длины); этотъ телескопъ до сихъ поръ стоитъ въ паркѣ, плотно закрытый и больше не употребляемый.

Замокъ и паркъ очень красивы. Бурливая рѣчка съ перекинутыми черезъ нее поэтичными мостиками своимъ торопливымъ неустаннымъ лепетомъ вноситъ въ пустынный паркъ немного жизни, но все вокругъ, окрашенное сѣрымъ колоритомъ ненастной погоды, кажется угрюмымъ и холоднымъ...

С. подсмѣивается надъ моимъ непремѣннымъ желаніемъ ознакомиться съ жизнью ирландскаго народа.

— Вы слишкомъ «smart» (шикарны), чтобы ходить по нашимъ ирландскимъ хижинамъ, – убѣждаетъ меня С.:— вы вѣдь не имѣете представленія, до чего онѣ грязны...

— Избы русскихъ крестьянъ врядъ ли чище...

— Въ такомъ случаѣ,—смѣется старикъ С.,—я совѣтую вамъ пойти въ самый грязный коттэджъ: это сразу отобьетъ у васъ желаніе дѣлать подобныя экскурсіи.

Многострадальная Ирландія!

Какъ много общаго у нея съ Россіей! Та же бѣдность, то же пьянство... Поселяне—грязные, оборванные, босоногіе; хижины—маленькія, неимовѣрно грязныя, съ земляными полами, съ крошечными оконцами, пропускающими тусклыя, блѣдныя полосы свѣта... И думать, что когда-то цвѣтущая страна доведена до такого состоянія...

Какой ужасъ!

Въ самую раннюю эпоху ирландской исторіи въ Ирландіи существовала общинно-родовая организація. Кельты, овладѣвъ Ирландіей и смѣшавшись съ ея первоначальными поселенцами, внесли въ Ирландію свои вѣрованія, обычаи и установленія.

Племена управлялись своими королями или «ріагами», которые избирались всѣмъ народомъ. Главою всей Ирландіи считался «Ардъ-ріагъ», которому были подчинены всѣ «ріаги». Дѣла и споры рѣшались обыкновенно на большихъ и малыхъ сходахъ; на этихъ сходахъ постепенно вырабатывались законы и юридическіе обычаи страны. Судьями были такъ называемые «брегоны», но на «брегоновъ» смотрѣли только какъ на авторитетныхъ толкователей законовъ; суды же обыкновенно совершались сходами и общими собраніями.

Земля не составляла въ Ирландіи частной собственности. Первоначально она находилась въ общемъ владѣніи всего рода; но, когда совершился переходъ отъ номаднаго и охотничьяго періода къ пастушескому, каждое племя заняло опредѣленную территорію.

Всякій свободный членъ общины имѣлъ право на пользованіе общинной землей; съ его смертью земля, принадлежавшая ему какъ временное владѣніе, не переходила къ его наслѣдникамъ, а снова возвращалась общинѣ. Передѣлы земли происходили часто—обыкновенно ежегодно.

Съ вліяніемъ чужой культуры Ирландія впервые соприкоснулась послѣ вторженія въ Британію римлянъ. Вліяніе римлянъ на «Зеленый Эринъ» [1]) сказалось прежде всего въ насажденіи въ Ирландіи христіанства. Христіанство было перенесено въ Ирландію св. Патрикомъ (въ V в.). Уроженецъ Шотландіи, Патрикъ былъ въ дѣтствѣ завезенъ пиратами въ Ирландію. Онъ вскорѣ бѣжалъ на родину, но воспоминанія объ Ирландіи оставили глубокій слѣдъ въ его душѣ. Ставъ священникомъ, Патрикъ снова отправился въ Ирландію и посвятилъ всю свою жизнь распространенію въ Ирландіи христіанства. Друидическія вѣрованія кельтовъ-ирландцевъ, связанныя съ представленіемъ о переселеніи душъ и о загробной жизни, быстро подпали вліянію болѣе высокихъ идеаловъ христіанства. Распространенію христіанства въ Ирландіи много способствовали народные пѣвцы—«барды», пользовавшіеся среди ирландцевъ большимъ вліяніемъ: своей поэтической проповѣдью христіанства они легко привлекали пылкое воображеніе ирландцевъ къ идеаламъ новаго ученія.

«Зеленый Эринъ» быстро покрылся множествомъ церквей и монастырей, которые сдѣлались разсадниками просвѣщенія.

Ирландія вскорѣ достигла высокой степени культурнаго и умственнаго развитія; она стала высылать изъ себя образованныхъ проповѣдниковъ, которые

---

[1]) „Эринъ"—кельтское названіе Ирландіи.

съ успѣхомъ насаждали христіанство въ другихъ странахъ.

Первый ударъ ирландской образованности былъ нанесенъ упорной борьбой съ датчанами, затянувшейся до начала XI в. Но главной причиной постепеннаго упадка Ирландіи явилось утвержденіе въ Ирландіи англійскаго владычества. Ирландія стала ареной безпрерывныхъ распрей—національныхъ, религіозныхъ и политическихъ, которыя постепенно превратили когда-то цвѣтущій островъ въ страну скорби, голода и безысходной нищеты.

Начало порабощенія Ирландіи Англіей относится къ XII в. Норманны, покоривъ въ XI в. англосаксовъ, обратили свое вниманіе и на сосѣдку Англіи— Ирландію. Генрихъ II Плантагенетъ, вступивъ на англійскій престолъ, обратился къ папѣ Адріану IV, съ просьбой разрѣшить ему «овладѣть» Ирландіей. Эта просьба была между прочимъ мотивирована желаніемъ подчинить пользовавшуюся независимостью ирландскую церковь римскому престолу. Папа отнесся къ просьбѣ Генриха II очень сочувственно; но заботы объ устроеніи собственнаго королевства отвлекали долгое время мысль Генриха отъ Ирландіи.

Ирландцы первые подали поводъ ко вторженію въ ихъ страну норманновъ. Одинъ изъ ирландскихъ королей, изгнанный Ардъ-ріагомъ изъ своихъ владѣній, обратился за помощью къ вассалу Генриха II графу Стригойлю, который откликнулся на этотъ призывъ и высадился съ небольшимъ отрядомъ на берегахъ Ирландіи.

Плохо вооруженные ирландцы не могли отразить нашествія англонорманновъ и потерпѣли полное пораженіе. Призванный вторично Стригойль снова явился въ Ирландію съ многочисленнымъ войскомъ и овладѣлъ Дублиномъ. Опьяненный успѣхомъ, онъ сталъ мечтать о покореніи всего острова. Онъ построилъ рядъ крѣпостей для защиты завоеванныхъ владѣній и, постоянно подкрѣпляемый выходцами изъ Англіи, занялся дальнѣйшимъ покореніемъ ирландцевъ. Но ирландцы, почувствовавъ опасность чужеземнаго владычества, боролись съ ожесточеніемъ. Съ другой стороны, Генрихъ II, встревоженный усиленіемъ Стригойля, предъявилъ требованіе всѣмъ англичанамъ, находившимся въ Ирландіи, немедленно вернуться въ Англію, грозя въ случаѣ неповиновенія лишить ихъ леновъ въ Англіи.

Вынужденный покинуть Ирландію Стригойль призналъ Генриха II сюзереномъ завоеванныхъ въ Ирландіи земель. Въ 1172 г. Генрихъ лично явился въ Ирландію съ многочисленнымъ, хорошо вооруженнымъ войскомъ. Ирландцы поняли безполезность сопротивленія. Часть населенія бѣжала въ горы; часть признала свою ленную зависимость отъ короля. Но въ общемъ владычество англичанъ не распространилось далеко; окончательно покорилась Генриху только сравнительно небольшая восточная часть Ирландіи; эта часть, укрѣпленная множествомъ замковъ, получила названіе «Пэля». Борьба норманновъ съ ирландцами велась съ перемѣннымъ успѣхомъ. Въ силь-

ной степени борьба затягивалась королями Англіи, которые, страшась усиленія своихъ вассаловъ въ Ирландіи, поддерживали ихъ взаимныя распри и возстановляли иногда противъ нихъ туземцевъ, обостряя этимъ и безъ того враждебныя отношенія между англичанами и ирландцами. И только изрѣдка дѣлались попытки политическаго объединенія враждующихъ сторонъ и проглядывало стремленіе сблизить англичанъ и ирландцевъ путемъ введенія въ Ирландіи общихъ учрежденій. Характернымъ шагомъ въ этомъ направленіи было учрежденіе въ 1295 году Эдуардомъ I ирландскаго парламента.

Взаимная вражда англичанъ-завоевателей въ Ирландіи выростала также на почвѣ подчиненія большинства англичанъ, поселившихся въ Ирландіи, болѣе высокой ирландской культурѣ. Только владѣтели Пэля сохранили въ чистотѣ свою англійскую національность; они относились крайне враждебно къ своимъ объирландившимся собратьямъ и называли ихъ «выродками». Процессъ объирландиванія англичанъ, принимая все большіе размѣры, вызвалъ законодательное вмѣшательство для огражденія англійской національности отъ поглощенія ирландской.

Въ 1367 г. былъ изданъ въ Килькени статутъ, который воспрещалъ англичанамъ браки съ ирландками, усыновленіе и крещеніе ирландскихъ дѣтей и введеніе многихъ ирландскихъ обычаевъ. Но законодательныя мѣры не могли воспрепятствовать вліянію, которое болѣе высокая ирландская культура оказы-

вала на англійскую, и законодательное стремленіе поставить ирландца на положеніе «презираемаго человѣка», не приводя къ желаннымъ результатамъ, только усиливало и укрѣпляло между англичанами и ирландцами вѣковую вражду.

Въ XVI в. къ этой національной враждѣ примѣшивается еще вражда религіозная. Въ 1536 г. въ Ирландіи была объявлена отмѣна римской церкви, и католическимъ священникамъ подъ страхомъ лишенія мѣста и даже жизни было вмѣнено въ обязанность введеніе новаго богослуженія. Несмотря на то, что различныя вѣрованія англійскихъ королей вносили нѣкоторыя колебанія въ характеръ религіозныхъ преслѣдованій, возстановляя временами права попранной католической церкви, католики и предметы католическаго культа стали подвергаться жестокимъ преслѣдованіямъ.

Религіозныя гоненія вызвали въ Ирландіи цѣлый рядъ возстаній. Частичный успѣхъ возстаній не далъ ирландцамъ никакихъ выгодъ, но результатомъ подавленія возстаній являлось всегда разореніе возставшихъ областей и конфискація огромныхъ земельныхъ пространствъ, которыя отнимались у ирландцевъ и раздавались англійскимъ колонистамъ. Несмотря на расшатанность своей политической организаціи, Ирландія въ общихъ чертахъ сохранила до XVII вѣка прежнее общественное устройство и общинное землевладѣніе; поэтому произволъ англичанъ и конфискація земель казались ирландцамъ вопіющей неспра-

ведливостью. Эта несправедливость часто усугублялась запрещеніемъ ирландцамъ покупать или даже просто арендовать хищнически отнятую у нихъ землю. Выдвинутое при Іаковѣ I и узаконенное право личной собственности на землю, разрушившее привычное ирландцамъ «общинное землевладѣніе», не только не оградило ирландцевъ отъ конфискацій, но, наоборотъ, явилось только лишнимъ поводомъ къ новому захвату земель. Подъ предлогомъ урегулированія землевладѣнія была учреждена королевская «распредѣлительная комиссія», на обязанность которой было возложено провѣрять документы на владѣніе землей; если документы отсутствовали или находились не въ должномъ порядкѣ, имущество конфисковалось. Такъ какъ общинное землевладѣніе держалось главнымъ образомъ на обычаѣ или на давности владѣнія, то, при переходѣ отъ общиннаго землевладѣнія къ частному, большинство частныхъ владѣльцевъ не имѣло никакихъ крѣпостныхъ актовъ. Такимъ образомъ при провѣркѣ «распредѣлительной комиссіей» частнаго землевладѣнія получалось то, что почти всѣ ирландскіе землевладѣльцы должны были лишиться своихъ земель, несомнѣнными собственниками которыхъ они были.

Объятые паникой, землевладѣльцы вступили въ переговоры съ королемъ и стали откупаться отъ грабежа, заручившись обѣщаніемъ короля признать за откупъ ихъ права на землю. Но и откупы помогали мало: соглашенія съ королями оказывались по боль-

шей части непрочными, и надъ ирландцами, какъ Дамокловъ мечъ, висѣли или новыя конфискаціи, или новые откупы.

Помимо всѣхъ вышепоименованныхъ невзгодъ, Ирландіи выпала еще тяжелая участь играть служебную роль во внутреннихъ распряхъ Англіи.

Въ борьбѣ Карла I съ англійскимъ парламентомъ главнымъ помощникомъ Карла былъ умный и энергичный намѣстникъ Ирландіи—Страффордъ. Обѣщаніями возстановить попранныя религіозныя права католиковъ Страффордъ собиралъ съ ирландцевъ денежныя субсидіи для Карла; несмотря на это, умное управленіе Страффорда, полное заботъ о поднятіи въ Ирландіи сельскаго хозяйства, было все-таки благопріятно для ирландцевъ; но послѣ казни Страффорда, обвиненнаго парламентомъ въ государственной измѣнѣ, Ирландія подверглась новымъ насиліямъ со стороны англичанъ. Пользуясь моментомъ борьбы Карла съ парламентомъ и съ возставшими шотландцами, ирландцы стали мечтать объ освобожденіи отъ англійскаго ига и о возстановленіи своей политической независимости. Въ 1641 г. вспыхнуло въ Ирландіи возстаніе. Но Карлъ, стремясь использовать возстаніе ирландцевъ для своей борьбы съ парламентомъ, заключилъ съ ирландцами перемиріе на выгодныхъ для ирландцевъ условіяхъ. Двуличная политика Карла повредила и ему и ирландскому движенію. Послѣ казни Карла раздраженный англійскій парламентъ снарядилъ для подчиненія Ирландіи армію, началь-

ство надъ которой поручилъ Оливеру Кромвелю. Кромвель поставилъ на первый планъ искорененіе «папистовъ» и придалъ своему походу религіозный характеръ. Его желѣзная воля, не терпѣвшая противодѣйствія, превратила штурмы сопротивлявшихся городовъ въ кровавыя бойни. При взятіи г. Дрогеды былъ уничтоженъ не только весь гарнизонъ, но и почти всѣ жители. Такая же бойня повторилась при взятіи Уэксфорда. Вся Ирландія была объята негодованіемъ и ужасомъ, и только Кромвель называлъ свои злодѣянія «справедливымъ судомъ Божіимъ надъ варварами».

Въ 1650 г. Кромвель былъ отозванъ изъ Ирландіи; но остатки сопротивленія въ Ирландіи продолжали уничтожаться и послѣ возвращенія Кромвеля въ Англію.

Ирландія подверглась страшному опустошенію: люди и скотъ убивались; посѣвы уничтожались на корню. Отъ наступившихъ голода и чумы ирландское населеніе гибло тысячами. И когда страна была разорена, а города и села превращены въ развалины, «умиротвореніе страны» стало считаться законченнымъ.

За «умиротвореніемъ» послѣдовали грандіозныя конфискаціи. Наименѣе плодородныя области были предоставлены ирландцамъ; остальныя земли были розданы англичанамъ и кромвелевскимъ солдатамъ въ награду за «умиротвореніе», или же проданы по дешевой цѣнѣ. Программа «искорененія папистовъ» была

также приведена въ исполненіе. Всѣ церкви католиковъ были отобраны и переданы протестантамъ, и было издано постановленіе, запрещавшее пребываніе въ Ирландіи католическимъ духовнымъ лицамъ. Нарушители этого постановленія подвергались смертной казни, и на католическихъ священниковъ была организована форменная травля: за каждаго пойманнаго священника казна платила сыщикамъ по 10 фунтовъ стерлинговъ.

Обезземеленіе ирландцевъ послѣ Кромвелевскаго погрома легло въ основу создавшихся между ирландцами и англичанами уродливыхъ нравственныхъ и экономическихъ отношеній, которыя породили цѣлый рядъ дальнѣйшихъ бѣдствій для несчастнаго ирландскаго населенія.

Реставрація Стюартовъ не внесла облегченія въ положеніе Ирландіи. Преемникъ Карла II Іаковъ II своей приверженностью къ католицизму возбудилъ неудовольствіе англичанъ, и они призвали на защиту своихъ правъ штадгальтера соединенныхъ провинцій Вильгельма Оранскаго, женатаго на дочери Іакова, протестанткѣ Маріи. Іаковъ бѣжалъ во Францію. Особый парламентъ, созванный Вильгельмомъ, постановилъ, что бѣгство Іакова во Францію равносильно отреченію отъ престола, и корона Англіи была предложена Вильгельму и Маріи.

Низверженный Іаковъ рѣшилъ избрать базой для своей борьбы съ Англіей Ирландію, гдѣ онъ могъ найти поддержку среди католиковъ.

Въ Ирландіи Іакова встрѣтили восторженно. Іаковъ издалъ цѣлый рядъ благопріятныхъ для Ирландіи постановленій, но постановленіямъ этимъ не суждено было осуществиться, такъ какъ вскорѣ восторжествовали «оранжисты».

Вильгельмъ Оранскій, не теряя времени, высадился съ войсками въ Ирландіи и одержалъ надъ войсками Іакова полную побѣду. Самъ Іаковъ снова бѣжалъ во Францію.

Торжество «оранжистовъ» явилось исходнымъ пунктомъ новыхъ бѣдствій для Ирландіи. Раздраженные англичане рѣшили привести Ирландію въ состояніе полной невозможности оказывать какое бы то ни было сопротивленіе. Къ новымъ конфискаціямъ присоединился жестокій религіозный гнетъ. Въ пользу протестантской церкви былъ введенъ налогъ въ видѣ «десятины» съ дохода отъ сельскаго хозяйства. Эта «десятина» отдавалась обыкновенно на откупъ, и откупщики, уплачивая протестантскимъ священникамъ впередъ условленную сумму, собирали съ населенія налогъ съ большой жестокостью. Полуголодные съемщики земли должны были отдавать откупщикамъ часть необходимаго для собственнаго пропитанія, и эти ненормальныя условія вызвали въ ирландскомъ населеніи непримиримую ненависть къ протестантскому духовенству. Католики были подвергнуты самымъ ужаснымъ стѣсненіямъ, и произволу протестантовъ надъ католиками были приданы узаконенныя формы. Всѣ католическія школы были закрыты; на ихъ мѣ-

сто были введены «уставныя школы» съ системой преподаванія, утвержденной правительствомъ. Но «уставныя школы» имѣли на ирландцевъ разлагающее вліяніе: народъ всячески избѣгалъ просвѣщенія, противнаго его національности и религіознымъ воззрѣніямъ, и лишенные образованія ирландцы впадали въ состояніе полнаго одичанія.

Ко всѣмъ невзгодамъ присоединился еще гнетъ экономическій. При господствѣ меркантильной системы англичане устраняли во всемъ промышленную и торговую конкуренцію Ирландіи. Изданное въ 1663 г. дополненіе къ навигаціонному акту лишило ирландцевъ права ввозить товары въ Англію на своихъ корабляхъ: этотъ актъ погубилъ ирландское судостроеніе. Запрещеніе ввоза скота въ Англію уничтожило выгоды скотоводства. Развившаяся было въ Ирландіи шерстоткацкая промышленность была уничтожена англійской политикой; обѣщаніе покровительствовать льняной и пеньковой промышленности тоже не было исполнено, и вскорѣ и эти отрасли промышленности подверглись стѣсненіямъ. Вся обрабатывающая промышленность въ Ирландіи была разрушена, и единственнымъ источникомъ пропитанія ирландцевъ оставалось воздѣлываніе хлѣба и картофеля. Лишенные земельной собственности ирландскіе съемщики земли буквально гибли въ тискахъ эксплоатаціи земельныхъ собственниковъ.

Ирландія сдѣлалась классической страной голодовокъ. Населеніе гибло отъ голода тысячами. Дезин-

терія и тифъ довершали опустошеніе страны. Обѣднѣвшіе арендаторы за неуплату аренды безжалостно изгонялись со своихъ земельныхъ участковъ. Причиной, повысившей въ XVIII в. количество изгнаній, явилось также измѣненіе въ половинѣ XVIII в. характера хозяйственной политики ирландскихъ землевладѣльцевъ. Развитіе городской жизни въ Англіи, повысивъ требованіе на мясо и разрушивъ запрещеніе доставки ирландскаго скота на англійскіе рынки, сдѣлало выгоднымъ превращеніе ирландской пашни въ пастбища. Этотъ экономическій импульсъ явился причиной массоваго изгнанія мелкихъ съемщиковъ земли. Вся вторая половина XVIII-го вѣка изобилуетъ аграрными преступленіями. Ирландцы жгутъ усадьбы и калѣчатъ скотъ, разведеніе котораго лишило ихъ крова и хлѣба. Въ странѣ воцаряются полныя деморализація и анархія, и ирландское населеніе опускается на самое дно доступныхъ человѣку нищеты и бѣдствій.

Но противъ ненормальнаго положенія вещей всегда создается реакція. На защиту угнетенной Ирландіи рѣзко подняла свой голосъ литература и вызвала сильное броженіе въ умахъ. Къ тому же деистическія воззрѣнія, блестящимъ представителемъ которыхъ былъ Вольтеръ, пускали все болѣе и болѣе глубокіе корни въ общественномъ самосознаніи. Ученіе, признававшее единаго творца Вселенной, создавало почву для религіозной терпимости, и на этой почвѣ происходило постепенное сближеніе ирланд-

скихъ протестантовъ и католиковъ. Результатомъ этого сближенія явилась новая группировка партій, и въ основу этой новой группировки легло не различіе религіозныхъ воззрѣній, а стремленіе отстаивать общіе политическіе и экономическіе интересы. Поднятому броженію въ умахъ далъ также сильный толчокъ неудачный исходъ борьбы Англіи съ американскими колоніями. Эта борьба оказалась во многихъ отношеніяхъ благотворной для Ирландіи.

Отосланіе ирландскихъ солдатъ въ Америку вызвало у ирландцевъ потребность создать дружины добровольцевъ для защиты своей родины, и эти союзы добровольцевъ пріобрѣли вскорѣ крупное политическое значеніе, которое было ловко использовано ирландскими патріотами. Опираясь на силу вооруженныхъ союзовъ и на моральную силу образовавшагося въ Ирландіи единенія среди различныхъ классовъ общества, борцы за эмансипацію Ирландіи добились отъ англійскаго правительства крупныхъ уступокъ на пути политическаго, экономическаго и религіознаго освобожденія Ирландіи; одной изъ самыхъ крупныхъ реформъ было уничтоженіе зависимости ирландскаго парламента отъ англійскаго Королевскаго Совѣта.

Событія во Франціи, крушеніе стараго порядка и объявленіе «правъ гражданина и человѣка» дѣйствовали самымъ возбуждающимъ образомъ на умы угнетенныхъ ирландцевъ. Образовавшееся «общество соединенныхъ ирландцевъ» выдвинуло вопросъ о поли-

тическихъ правахъ католиковъ, и католики получили въ общинныхъ и государственныхъ выборахъ право избирать, хотя сами и оставались лишенными права быть избранными. Но дальнѣйшія событія и ужасъ передъ воцарившейся во Франціи анархіей вызвали повсемѣстную реакцію противъ идей свободы и всякаго прогрессивнаго движенія. Англія съ еще большей подозрительностью стала смотрѣть на Ирландію. Завязанныя революціонными партіями Ирландіи сношенія съ Франціей вызвали сильное возбужденіе англійскаго правительства, и оно стало искать повода къ тому, чтобы уничтожить самостоятельность ирландскаго парламента и затушить въ Ирландіи всякіе проблески революціоннаго движенія. Поводомъ для сведенія счетовъ съ Ирландіей явилось вспыхнувшее въ Ирландіи въ 1798 году возстаніе. Это безпорядочное возстаніе было подавлено со страшной жестокостью, и, послѣ подавленія возстанія, англійское правительство энергично взялось за уничтоженіе опасной для англійскаго государства самостоятельности ирландскаго парламента.

Въ 1799 г. въ тронной рѣчи къ ирландскому парламенту былъ выдвинутъ вопросъ объ Уніи. Цѣлымъ рядомъ подкуповъ и связаннымъ съ уніей обѣщаніемъ эмансипаціи католиковъ англійскому правительству удалось, наконецъ, провести черезъ ирландскій парламентъ билль объ уніи ирландскаго парламента съ англійскимъ, и въ 1800 г. унія была окончательно утверждена. Ирландскіе депутаты были вве-

дены въ англійскій парламентъ, а ирландскій парламентъ былъ упраздненъ.

Но ирландскіе депутаты, составлявшіе въ англійскомъ парламентѣ всего шестую часть общаго числа депутатовъ, были поставлены въ крайне невыгодное положеніе для проведенія черезъ англійскій парламентъ вопросовъ, тѣсно связанныхъ съ интересами Ирландіи, но порой не только чуждыхъ, но даже враждебныхъ интересамъ Англіи.

Такимъ образомъ уничтоженіе самостоятельнаго ирландскаго парламента снова отдало Ирландію въ руки враждебно настроенныхъ противъ нея англичанъ. Къ тому же обѣщанная эмансипація католиковъ не была осуществлена съ введеніемъ уніи; политическія права католиковъ были отвоеваны Ирландіей лишь черезъ 29 лѣтъ послѣ введенія уніи благодаря энергіи и популярности ирландскаго патріота О'Коннеля.

Убѣдившись въ безплодности всѣхъ попытокъ провести эмансипацію католиковъ законодательнымъ путемъ, О'Коннель поставилъ этотъ вопросъ на арену самой широкой агитаціи. На парламентскихъ выборахъ была выставлена въ Ирландіи кандидатура О'Коннеля. Это было сдѣлано ради манифестаціи, такъ какъ О'Коннель, какъ католикъ, не имѣлъ юридическаго права быть выбраннымъ въ парламентъ; но огромная популярность О'Коннеля сдѣлала то, что за него было подано подавляющее большинство голосовъ.

Передъ англійскимъ правительствомъ встала диллема: или кассировать выборы О'Коннеля, какъ не-

правильные, или же утвержденіемъ этихъ выборовъ дать доступъ въ парламентъ католикамъ. Сила движенія въ Ирландіи, поднятая О'Коннелемъ и ярко обрисовавшаяся въ результатахъ выборовъ, заставила англійское правительство пойти на уступки, и билль объ эмансипаціи католиковъ, пройдя въ 1829 г. черезъ обѣ палаты, получилъ королевскую санкцію.

Но ирландская оппозиція не ограничилась этой побѣдой. Началась агитація противъ «десятины» или налога въ пользу протестантскаго духовенства. Кромѣ того, дѣятельность англійскаго парламента, тормозящая прогрессивныя реформы, касающіяся Ирландіи, создало движеніе, направленное къ отозванію уніи и къ возстановленію упраздненнаго ирландскаго парламента. На почвѣ этого движенія, получившаго названіе «Репиля», возникла партія «Молодой Ирландіи». Поднятая «Молодой Ирландіей» агитація въ пользу Репиля заставила англійское правительство выступить противъ вожаковъ «Молодой Ирландіи». О'Коннель и его ближайшіе сторонники были арестованы, приговорены къ 12-тимѣсячному заключенію и посажены въ Ричмондскую тюрьму. Но палата лордовъ, въ которую была подана аппеляція по этому дѣлу, отмѣнила приговоръ и освободила заключенныхъ. Освобожденіе О'Коннеля было огромнымъ тріумфомъ для него и для его сторонниковъ. Выпущенные на свободу узники были встрѣчены у воротъ тюрьмы многолюдной толпой и посажены на высокую колесницу, за которой на нѣсколько верстъ растяну-

лось тріумфальное шествіе сопровождавшей колесницу толпы.

Вѣсть объ освобожденіи О'Коннеля шумной волной прокатилась по міру, будя живые отголоски не въ одной только Ирландіи.

Герценъ въ своемъ дневникѣ [1]) пишетъ:

> А судъ парламента освободилъ О'Коннеля.
> Великая страна, благоговѣть надобно передъ этой высокой святой правомѣрностью. Это событіе всемірное, важность его неисчислима... „О'Коннель противъ Королевы". Англичане, враги, перы, аристократы все подчинили закону, и великое, пластическое, плутарховское лицо агитатора снова явилось средь Дублина, съ тою же рѣчью, съ тѣмъ же видомъ...

Но пережитыя волненія и преклонный возрастъ сломили силы О'Коннеля, и послѣ своего освобожденія онъ уже не игралъ прежней первенствующей политической роли.

Разразившійся надъ Ирландіей, благодаря неурожаю картофеля, страшный голодъ 46—47 годовъ снова выдвинулъ всю остроту бѣдственнаго положенія Ирландіи не только передъ глазами Англіи, но и передъ всѣмъ цивилизованнымъ міромъ.

Выше было указано, что огромное большинство обезземеленныхъ конфискаціями ирландцевъ было лишено возможности найти въ Ирландіи необходимый для пропитанія заработокъ примѣненіемъ труда къ

---

[1]) 1844 г.

какой нибудь отрасли промышленности, потому что почти вся ирландская обрабатывающая промышленность была насильственно разрушена англійской политикой. Чтобы не умереть съ голоду, ирландцамъ оставались или эмиграція для пріисканія заработка за предѣлами Ирландіи, или же обработка сдаваемыхъ лэндлордами въ аренду земельныхъ участковъ, на которыхъ ирландцы разводили хлѣбъ и картофель.

Но даже при самыхъ ничтожныхъ затратахъ на свою жизнь арендаторы этихъ земельныхъ участковъ вѣчно жили подъ страхомъ голодной смерти или—въ лучшемъ случаѣ—голода. Вынужденные отдавать лэндлордамъ для уплаты аренды почти все, получаемое отъ хозяйства, ирландцы при малѣйшемъ колебаніи въ урожаѣ лишались даже необходимаго пропитанія.

Главной пищей ирландцевъ былъ картофель. При неурожаѣ картофеля въ 1822 г. половина Ирландіи голодала, несмотря на то, что урожай хлѣба былъ хорошій.

Но ирландцы вынуждены были продать весь хлѣбъ, который при конкуренціи продажи даже не поднялся въ цѣнѣ, что можетъ служить яркимъ примѣромъ необходимости для ирландцевъ отдавать все, кромѣ картофеля.

Полный неурожай картофеля въ 1845—46 годахъ повергъ ирландцевъ въ пучину безысходнаго бѣдствія. Ирландцы питались травой, трупами ословъ и собакъ; бывали даже случаи, что родители съѣдали

трупы собственныхъ дѣтей. Населеніе гибло отъ голода тысячами. Дороги были усѣяны гніющими трупами, такъ какъ не было ни силъ, ни возможности хоронить умершихъ. За 2 года погибло отъ голода и тифа около 250,000 человѣкъ [1]). За голодомъ послѣдовали массовыя изгнанія. Разоренные и обезсиленные фермеры изгонялись лэндлордами за неуплату аренды со страшной жестокостью. Если арендаторы отказывались выселяться добровольно, то лэндлорды обращались къ содѣйствію такъ называемой «бригады кробаровъ» (crowbar brigade), которая состояла изъ стражниковъ, вооруженныхъ ломами; спеціальное назначеніе этихъ стражниковъ было— выселять арендаторовъ силой. «Кробары» разрушали ломами жалкія ирландскія хижины и сравнивали ихъ съ землей. Выселенные арендаторы, лишенные крова и пищи, частью умирали отъ голода и холода, частью шли въ разбойники.

Такой порядокъ вещей порождалъ всеобщее глубокое возмущеніе. Даже умѣренные элементы въ Ирландіи все болѣе и болѣе теряли надежду на успѣхъ легальной борьбы съ Англіей; революціонные журналы открыто проповѣдывали возстаніе. Но обезсиленная Ирландія была неподготовлена къ серьезной борьбѣ. Безпорядочныя попытки возстанія были безъ

---

[1]) Все населеніе Ирландіи равнялось въ то время 8 мил. челов.; благодаря эмиграціи и огромной смертности населеніе Ирландіи сократилось къ концу XIX в. почти наполовину и въ 1901 г. равнялось всего 4,456,546 челов.

труда подавлены Англіей, и Ирландія снова впала въ состояніе полнаго омертвѣнія. «Изгнанія» продолжались съ прежней жестокостью: ирландскіе лэндлорды, какъ изъ экономическихъ, такъ и изъ политическихъ побужденій, стремились отдѣлаться отъ своихъ въ конецъ разоренныхъ арендаторовъ.

Огромная волна эмиграціи направилась изъ Ирландіи въ Америку. Цѣлые кварталы въ Нью-Іоркѣ заселились ирландцами.

Враждебно настроенные противъ Англіи американцы старались всячески оказывать ирландцамъ поддержку. Ирландцы вскорѣ образовали въ Америкѣ «союзъ Феніевъ», поставившій себѣ основной задачей освободить Ирландію отъ англійскаго владычества. Преслѣдуя эту цѣль и поддерживая непосредственныя сношенія съ Ирландіей, феніи организовали широкую пропаганду, направивъ ее главнымъ образомъ въ войска. Встревоженное англійское правительство возбудило строгія преслѣдованія противъ феніевъ. Главари феніевъ были арестованы и препровождены въ англійскія тюрьмы. Но стремленіе освободить заключенныхъ феніевъ перенесло борьбу ирландцевъ на почву Англіи.

Цѣлый рядъ заговоровъ и преступленій, задуманныхъ и частью выполненныхъ феніями, открылъ передъ англичанами всю глубину рѣшимости феніевъ и непримиримую ненависть къ Англіи ирландцевъ. И передъ государственными людьми Англіи выдвинулась потребность вникнуть глубже въ причины какъ

этой ненависти, такъ и экономическаго упадка Ирландіи, связаннаго съ непрекращающимися бѣдствіями ирландскаго народа.

Чѣмъ же дѣйствительно обусловливались эти бѣдствія и глубокая нищета ирландцевъ?

Оставивъ въ сторонѣ національную ненависть ирландцевъ къ англичанамъ, вскормленную цѣлымъ рядомъ религіозныхъ, политическихъ и экономическихъ насилій, интересно остановиться хотя бы мелькомъ на обзорѣ арендныхъ отношеній въ Ирландіи [1]).

Какъ было указано выше, аренда стала существовать въ Ирландіи съ очень давняго времени. Но не отсутствіе собственности на землю легло въ основу бѣдствій ирландскихъ арендаторовъ-земледѣльцевъ. Многими авторитетными мнѣніями [2]) аренда земли считается даже болѣе выгодной, чѣмъ владѣніе землей на правахъ личной собственности. Примѣръ Англіи и особенно Шотландіи, гдѣ спросъ на сдаваемые въ аренду земельные участки поднималъ арендную плату до наивысшей нормы, опредѣляемой соперничествомъ, наглядно показываетъ, что даже при высокой арендной платѣ фермеры-земледѣльцы имѣютъ полную возможность пользоваться вполнѣ нормальными условіями жизни, покоящимися на достаткѣ и на обезпеченномъ благосостояніи.

---

[1]) Подробный обзоръ арендныхъ отношеній и земельнаго законодательства Ирландіи изложенъ въ книгѣ проф. Мануилова: „Аренда земли въ Ирландіи".

[2]) J. Caird „The British Land Question".

Къ тому же, сравнивая арендную плату въ Ирландіи и Англіи, мы видимъ, что ирландскій фермеръ платилъ за землю меньше англійскаго.

Почему же только надъ Ирландіей сгустилась эта безпросвѣтная ночь нищеты и бѣдствій?

Разсматривая ближе условія аренды въ Ирландіи, мы видимъ, что Ирландія является страной мелкой аренды. Лэндлорды, по большей части даже не жившіе въ своихъ имѣніяхъ, сдавали землю арендаторамъ, которые въ свою очередь пересдавали землю за болѣе высокую плату другимъ, болѣе мелкимъ арендаторамъ, и. т. п. Иногда земля отдавалась лэндлордами такъ называемымъ «посредникамъ», которые, внося собственникамъ земли арендную плату за нѣсколько лѣтъ впередъ, пересдавали землю мелкимъ арендаторамъ за наивысшую цѣну, которая опредѣлялась соперничествомъ [1]) (rack-rent).

Права арендаторовъ, какъ крупныхъ, такъ и мел-

---

[1]) Кромѣ „посредничества" существовали еще другіе виды пересдачи: мелкіе фермеры отдавали наименѣе пригодные участки такъ называемымъ „коттерамъ", которые погашали аренду „хижины и огорода" отработной платой, обезпечивая этимъ сбытъ своей рабочей силы; мелкіе земельные клочки сдавались также какъ „конакръ", который снимался по преимуществу рабочими, стремившимися арендой конакра предохранить себя въ случаѣ безработицы отъ голодной смерти. Кромѣ вышепоименованныхъ видовъ аренды въ Ирландіи существовала еще такъ называемая „rundale" или артельная съемка земли землeдѣльческими „товариществами". Каждая такая артель, имѣя общій инвентарь, распредѣляла снятый сообща земельный участокъ между членами артели частью въ личное, частью въ общее пользованіе.

кихъ, становились обыкновенно подъ защиту письменныхъ договоровъ; въ нѣкоторыхъ частяхъ Ирландіи фермерскія права ограждались такъ называемымъ «Ольстерскимъ обычаемъ», который, регламентируя арендную плату и препятствуя произвольному повышенію ея лэндлордами, ограждалъ также фермера отъ изгнанія до тѣхъ поръ, пока онъ аккуратно платилъ аренду; кромѣ того, «Ольстерскій обычай», въ случаѣ производства фермеромъ улучшенія на арендуемомъ участкѣ, защищалъ фермера отъ конфискаціи лэндлордомъ плодовъ его труда—говоря иначе: «Ольстерскій обычай» давалъ уходящему арендатору возможность продать свое «фермерское право» [1]) и заставлялъ новаго арендатора, вступающаго во владѣніе фермой, покупкой «фермерскаго права» вознаграждать уходящаго фермера за сдѣланныя затраты и за произведенныя, но не использованныя земельныя и хозяйственныя улучшенія.

Казалось бы, что, при указанныхъ выше нормахъ, не должно было бы существовать рѣзкаго различія въ положеніи ирландскаго и шотландскаго или англійскаго фермера.

Въ дѣйствительности же аренда въ Ирландіи крайне характерно отличалась отъ условій пользованія землей какъ въ Шотландіи, такъ и въ Англіи.

---

[1]) „Фермерское право"—это полная цѣна всѣхъ неиспользованныхъ улучшеній почвы, полученныхъ арендаторомъ въ наслѣдство, купленныхъ имъ или произведенныхъ его трудомъ или капиталомъ. (По Мануилову).

Благопріятно сложившіяся для развитія промышленности историческія условія способствовали накопленію въ Шотландіи и Англіи значительныхъ капиталовъ. Большинство шотландскихъ и англійскихъ фермеровъ принадлежало къ состоятельному классу и имѣло возможность при договорахъ съ лэндлордами ставить такія условія, которыя обезпечивали фермерамъ проценты на затраченный на сельское хозяйство капиталъ и извѣстную предпринимательскую прибыль. Въ случаѣ, если шотландскому или англійскому фермеру не удавалось арендовать землю на желательныхъ для него условіяхъ, онъ не оставался, какъ ирландскій фермеръ, подъ угрозой суровыхъ лишеній или голодной смерти, такъ какъ всегда могъ искать примѣненія своего труда или капитала къ какой нибудь отрасли промышленности или торговли.

Большинство ирландскихъ фермеровъ, приближаясь по своему матеріальному положенію къ рабочему классу, искало прежде всего примѣненія своей рабочей силы, а не капитала. Искусственно отброшенные англійской политикой, разрушившей ирландскую промышленность, къ воздѣлыванію земли, ирландцы снимали земельные участки подъ давленіемъ ненормальныхъ условій, созданныхъ ничѣмъ не ограниченнымъ соперничествомъ; и страхъ голодной смерти заставлялъ иногда ирландскаго арендатора обѣщать лэндлорду плату, которую невозможно было выручить съ арендуемаго участка даже при самомъ

упорномъ трудѣ. Подобные факты засвидѣтельствованы множествомъ показаній.

Несмотря на то, что англійскіе фермеры платили за аренду земли больше ирландскихъ, веденіе сельскаго хозяйства въ Англіи, поставленное на раціональныхъ началахъ, приносило большія выгоды; въ Ирландіи способы веденія сельскаго хозяйства стояли очень низко, оттого арендная плата въ Ирландіи была относительно гораздо выше англійской.

Что же мѣшало ирландскимъ фермерамъ улучшить свое хозяйство на арендуемыхъ земельныхъ участкахъ?

Прежде всего отсутствіе возможности скопить необходимыя для производства улучшеній средства и, кромѣ того, необезпеченность владѣнія арендуемыми участками и не огражденная законодательнымъ путемъ возможность воспользоваться конечными результатами затраченнаго на меліоративныя работы труда. Даже открытый государствомъ «меліоративный кредитъ» побудилъ фермеровъ только въ слабой степени къ производству улучшеній: страхъ, что съ увеличеніемъ производительности земли увеличится и арендная плата, заставлялъ большинство фермеровъ воздерживаться отъ затраты труда на производство хозяйственныхъ улучшеній.

«Ольстерскій обычай» и аренда по письменнымъ договорамъ, регламентировавшіе арендную плату и могущіе оградить ирландскихъ фермеровъ отъ нарушенія ихъ правъ, оказывались для большинства ирланд-

скихъ фермеровъ только фикціей. Дѣйствительно: «Ольстерскій обычай», требовавшій для покупки «фермерскаго права» наличность капитала у фермера, могъ получить развитіе только въ очень ограниченной, по преимуществу сѣверной части Ирландіи (главнымъ образомъ въ Ольстерѣ), гдѣ благодаря болѣе благопріятнымъ историческимъ условіямъ создался классъ зажиточныхъ людей. Фермеры, не имѣвшіе капитала, устранялись отсутствіемъ возможности купить «фермерское право» отъ выгоды стать подъ защиту «Ольстерскаго обычая».

Что касается долгосрочной аренды по письменнымъ договорамъ, получившей съ конца 70-хъ годовъ XVIII в. временное преобладаніе надъ другими видами аренды, этотъ видъ аренды могъ ограждать только незначительную часть болѣе состоятельныхъ фермеровъ отъ нарушенія закрѣпленныхъ договорами фермерскихъ правъ. При чрезмѣрно высокой арендной платѣ и задолженности большинства ирландскихъ фермеровъ долгосрочные договоры теряли всякое практическое значеніе, такъ какъ законъ предоставлялъ лэндлорду право вступать во владѣніе той фермой, за которой числились недоимки за $^1/_2$ года; если же недоимки накапливались за фермеромъ за 2 полугодія, то фермеръ, несмотря на долгосрочность договора, могъ быть по закону подвергнутъ изгнанію.

Резюмируя все вышеизложенное, мы видимъ, что права ирландскихъ фермеровъ не были въ сущности ограждены ни «обычаемъ», ни договорами или за-

конами. Брошенные въ жерло ничѣмъ не ограниченной эксплоатаціи земельныхъ собственниковъ, ирландскіе фермеры прозябали въ нищетѣ среди безпросвѣтнаго мрака отчаянія, не озареннаго ни однимъ лучемъ надежды на возможность улучшить свое бѣдственное положеніе.

Кризисъ, пережитый Ирландіей во время голода 46—47 годовъ, привлекъ къ бѣдствіямъ Ирландіи серьезное вниманіе Англіи. Необходимость законодательнаго вмѣшательства въ арендныя отношенія для поднятія ирландскаго сельскаго хозяйства и для защиты угнетенныхъ фермеровъ стала ясной даже для защитниковъ абсолютной неприкосновенности правъ земельной собственности. Въ 1860 г. былъ изданъ «Законъ объ улучшеніяхъ земельной собственности» (Improvement Act). Такъ какъ на практикѣ этотъ законъ потерпѣлъ полнѣйшую неудачу, то въ 1870 г. Глэдстонъ провелъ другой законодательный актъ, въ основаніе котораго было положено стремленіе узаконить принципы «Ольстерскаго обычая». Несовершенства закона 1870 г., помѣшавшія проведенію этого закона въ жизнь во всей его полнотѣ, были въ значительной степени устранены закономъ 1881 г., который въ свою очередь былъ исправленъ и пополненъ дальнѣйшими законодательными мѣрами. Совокупность этихъ законодательныхъ мѣръ, ограничивъ власть земельныхъ собственниковъ, упрочила права фермеровъ на владѣніе арендуемыми земельными участками и на вознагражденіе за производимыя въ хозяйствѣ

улучшенія и открыла арендаторамъ возможность постоянно возобновлять аренду на землю по «справедливой арендной платѣ» (fair rent), устанавливаемой государствомъ. За земельными собственниками осталось право сдавать или не сдавать землю въ арендное пользованіе; но лэндлорды, сдавшіе землю, сводились законодательствомъ на положеніе «пенсіонеровъ», получающихъ арендную плату, но какъ бы утрачивающихъ права собственности на принадлежащую имъ землю. Право распоряженія землей при сдачѣ ея въ аренду переходило къ государству, которое, заступая мѣсто собственника, регулировало отношенія между лэндлордами и арендаторами; ограждая на справедливыхъ основаніяхъ интересы фермеровъ, законодательство побуждало этимъ арендаторовъ производить улучшенія и поднимать болѣе раціональнымъ веденіемъ хозяйства доходъ какъ лэндлордовъ, такъ и свой собственный.

Крупныя политическія фигуры Глэдстона и вождя ирландской партіи Парнелля упорнымъ стремленіемъ разрѣшить наболѣвшій ирландскій вопросъ внесли въ англійскій парламентъ и въ отношенія Англіи и Ирландіи рѣзкую борьбу партій.

Глэдстону удалось отдѣленіемъ церкви отъ государства и преобразованіемъ въ 1870 г. церкви изъ государственнаго учрежденія въ частное уничтожить господствующее положеніе епископальной церкви въ Ирландіи и смыть тяжелый гнетъ религіозныхъ стѣсненій; проведеніемъ земельныхъ биллей Глэдстонъ

упрочилъ положеніе ирландскихъ фермеровъ; но попытки Глэдстона поддержать «Гомруль» или стремленіе ирландскаго народа къ автономіи и къ отмѣнѣ уніи 1800 года потерпѣли полное крушеніе. Разрѣшеніе вопроса о дарованіи Ирландіи самостоятельнаго парламента осталось въ наслѣдіе будущему. Но какъ бы ни сложились дальнѣйшія судьбы Ирландіи, она навсегда свяжетъ свою благодарность съ именемъ Глэдстона, который своимъ чуткимъ отношеніемъ къ требованіямъ жизни и безкорыстнымъ служеніемъ идеямъ гуманности и справедливости заслуженно стяжалъ себѣ безсмертіе въ исторіи и глубокое уваженіе всего цивилизованнаго міра.

———o———

Снова вагонъ, мелькающіе въ окнахъ пейзажи, привычное ощущеніе кочевой жизни...

Поѣздъ быстро мчитъ меня изъ Лиммерика въ Килла́нэ (Killarney). И вотъ я, наконецъ, въ этомъ прелестномъ уголкѣ юго-западной Ирландіи.

Могучая сила красоты превратила Килла́нэ въ веселый и жизненный оазисъ. Великолѣпные отели перебросили въ ирландскую глушь всѣ самыя ухищренныя требованія комфорта, а непрерывный потокъ смѣняющихся туристовъ вноситъ въ Килла́нэ шумъ и суету незатихающаго оживленія.

Дѣйствительно, трудно представить себѣ мѣстечко красивѣе Килла́нэ. Богатая растительность, живопис-

но разбросанныя озера, горы, ущелья, долины превращають окрестности Килла́нэ въ живой калейдоскопъ красивыхъ пейзажей, тѣшащій глазъ разнообразіемъ панорамъ и первобытной прелестью почти нетронутой культурою природы.

Одной изъ самыхъ интересныхъ экскурсій въ окрестностяхъ Килла́нэ является поѣздка въ ущелье Гэп-офъ-Дэнлò (Gap of Dunloe), переѣздъ черезъ которое дѣлается обыкновенно верхомъ. Ущелье Гэп-оф-Дэнлò мѣстами напоминаетъ южную часть кавказской Военно-Грузинской дороги и отъ начала до конца необыкновенно красиво. Сжатыя ущельемъ небольшія озера Огуръ и Сэрпэнтъ съ перекинутыми черезъ нихъ мостами славятся своими эхо, воспѣтыми Тэннисономъ. На перевалѣ съ высшаго пункта [1]) открывается великолѣпный видъ на горы Буллъ и Пэрплъ; и дальше при спускѣ красота вида на озеро Эпперъ (Upper Lake) не поддается описанію.

Экскурсіи по окрестностямъ Килла́нэ устраиваются для туристовъ, желающихъ пользоваться услугами организующихъ экскурсіи отелей, очень комфортабельно.

При поѣздкѣ въ Гэп-оф-Дэнлò насъ ждали у озера Эпперъ лодки и присланные изъ отеля въ корзинкахъ вино и холодный завтракъ. Участники экскурсіи, весело размѣстившись на газонѣ, завтракали на берегу озера подъ теплою лаской яркихъ, живитель-

---

[1]) 1.100 футовъ.

ныхъ солнечныхъ лучей, и общая картина завтрака напоминала большой оживленный пикникъ.

Отъ озера Эпперъ мы вернулись къ отелю на лодкахъ, сдѣлавъ длинный переѣздъ черезъ красивыя и поэтично соединяющіяся между собою озера Килла́нэ. Было жарко. Гребцы весело шутили и разсказывали разныя легенды, связанныя съ мѣстностью Килла́нэ. И, какъ всегда, разсказы болтливыхъ ирландцевъ обрамлялись пестрой бахромой лжи и фантазіи: красочные блики вымысла яркими тонами ложились на факты, взятые изъ дѣйствительности, и изъ этихъ спутанныхъ нитей лжи и правды богатое воображеніе ирландцевъ сплетало причудливые, разнообразные по своимъ оттѣнкамъ и порой красивые и поэтичные узоры.

IV.

Ноябрь 19 . . г.

Лондонъ тонетъ въ дождѣ и туманахъ. Любопытно видѣть въ этомъ сыромъ ползущемъ по улицамъ мракѣ бьющую ключемъ жизнь и безпрерывное движеніе: ряды экипажей, омнибусовъ загромождаютъ улицы; толпы прохожихъ снуютъ по тротуарамъ... Человѣкъ точно бросаетъ вызовъ природѣ: среди мрака, среди тумановъ онъ живетъ и наслаждается жизнью. И грохотъ многомилліоннаго города кричитъ объ этой жизни: городъ-чудовище шевелитъ каждымъ своимъ мускуломъ и нѣжится подъ пеленою сырости, точко крокодилъ въ водѣ...

Но красивое и комфортабельное устройство англійскихъ домовъ положительно заставляетъ иногда забывать о неприглядной сѣрой внѣшности Лондона; къ тому же въ каждомъ англійскомъ home чувствуются какіе-то особенные тепло и «уютъ», покоящіеся на прочномъ основаніи глубокаго, почти благоговѣйнаго уваженія англичанъ къ «семьѣ» и «семейному очагу».

Вся жизнь англичанъ кажется точно построенной на прочныхъ и установившихся традиціяхъ, скованныхъ въ твердую броню вліяніемъ воспитанія и религіи. И, быть можетъ, нигдѣ, какъ среди мрака и тумановъ Лондона, не ощущается такъ ярко жизненная энергія англичанъ, ихъ умѣнье поддерживать въ себѣ при всѣхъ условіяхъ смѣлое и бодрое отношеніе къ жизни, ихъ неспособность къ нудному и безплодному «нытью», ихъ стремленіе пользоваться жизнью и ея хорошими сторонами.

Когда я вглядываюсь въ жизнь англичанъ и наблюдаю ихъ душевный складъ, мнѣ часто приходятъ на умъ высказанныя устами Вершинина слова Чехова («Три сестры»):

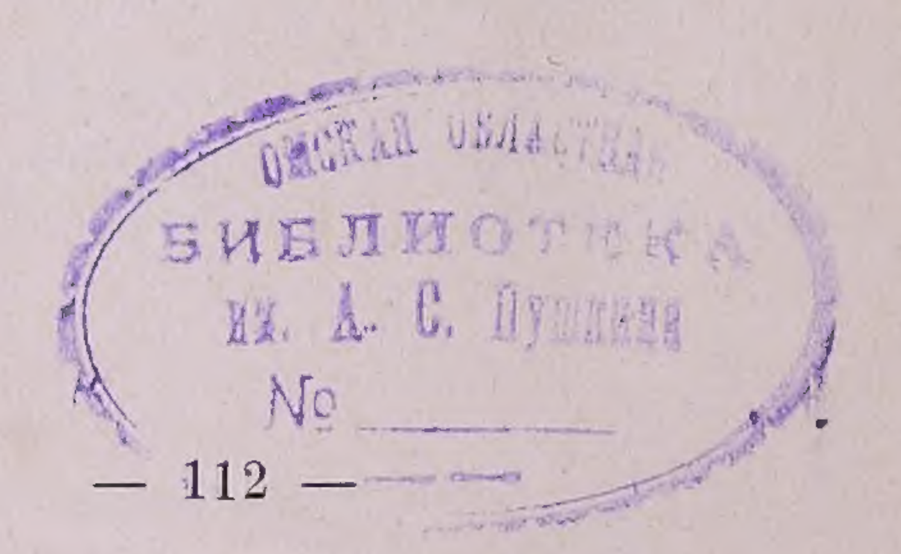
> Если послушать русскаго интеллигента, штатскаго или военнаго, то съ женой онъ замучился, съ домомъ замучился, съ имѣніемъ замучился, съ лошадьми замучился... Русскому человѣку въ высшей степени свойствененъ возвышенный образъ мыслей, но, скажите, почему въ жизни онъ хватаетъ такъ невысоко? Почему онъ съ дѣтьми замучился, съ женой замучился? А почему жена и дѣти съ нимъ замучились? Почему?

Этотъ вопросъ остался у Чехова безъ отвѣта...

Да и кто изъ русскихъ въ состояніи отвѣтить на это вырвавшееся изъ правдивой и чуткой души писателя и близкое всякому русскому «почему»?

———o———

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Цѣна 60 коп.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ
при типографіи Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°.
Москва, Пименовская улица, собственный домъ.